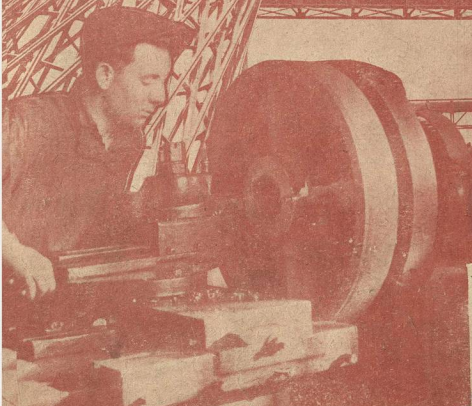

1923 30189

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Р/0502

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТ-
ВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИ-
ТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ОРГАН
ЦБ ПРОЛЕТ
СТУДА ВЦСПС
И МБ **№ 7**

РАДИО

РАДИО

РАДИО

РАДИОПЕРЕДАЧА «КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО»

С этого номера мы вводим в наш журнал постоянную радиостраничку. Мы будем печатать статьи, заметки, беседы, предложения, программы передач, хронику и новости радиосвязи и радиовещания. А вы, конечно, будете писать нам в эту страничку. Начинаю нашу страничку с разрешения вопроса:

?? ПОЧЕМУ ДВА А НЕ ЧЕТЫРЕ??

В № 3 «Красного студенчества» мы объявили о четырех студенческих радиопередачах и напечатали, на основании приказа № 107 по Московскому радиокцентру, где твердо устанавливалось количество наших передач. Мы вполне подготовились к четырем передачам в неделю, но... этот вопрос оказался не совсем «увязанным» и

«согласованным» в радиоцентре. При переработке общей сети радиовещания московских станций применительно к непрерывной неделе нам нехватало места. Из «дрюки» со старонниками полного аннулирования нашего вещания мы лишь наполовину вышли победителями. С 15-го октября мы и месем в своем распоряжении эфир два раза в неделю по вторникам и пятницам с 11 ч. до 11 ч. 30 м. ввечера.

НАША ПРОГРАММА ПЕРЕДАЧ НА ПОЛОВИНУ НОЯБРА.

И СТУДКОРАМ

Редакция помещает краткое илюстративное содержание готовящихся и печатается в № 10 журнала «Красное студенчество».

Краткое содержание и перечень тем дают возможность интересам читателей ознакомиться с содержанием материала для журнала.

Редакция получает корреспонденции, которые могут служить интересной хроникой, но подпадающей к содержанию основных тем, которые посвящены журналу. Это не соответствует между основным содержанием журнала и корреспондентскими не дают возможности использовать весь материал, который получает редакция.

Из содержания о содержании или материалах № 10 журнала, студенты могут давать редакции тот материал, который нужен для полного освещения отдельных тем. Устраивается случайность, когда редакция обобщает многие студеские материалы.

Печатать мы можем тем не ограничивая материалы.

Вопросы классовой борьбы в вузе, проявления нравственных настроений в студенческой общественной жизни, образцы хорошей работы Профорганизаций и др. в частности, творчество, социалистическое соревнование, непрерывная производственная практика и т. д., эти вопросы являются постоянно интересующими редакцию журнала.

Содержание готовящихся и печатается в № 10 журнала должно по возможности концентрировать внимание на отдельных темах и вовремя присылать материал.

Материал должен высылаться за 2 недели до выхода номера.

№ 9 выходит 21 XI.

СОДЕРЖАНИЕ: а) Профорганы и профсоюзная школа. Участие профсоюзом в культурном обслуживании студентов, отношение завода и студентам при непрерывной производственной практике, участие союза в строительстве высшей и средней школы.

б) Еще раз о материальном положении студенчества. Контрактная, ее положительные и отрицательные стороны, их работа, социальное страхование, наши столовые. в) Ура фанатизм. г) Среднее звено — техникум. Положение техникумов на местном бюджете. Есть ли среднее звено в Украине. Учеба в техникумовцев. Реформа в техникумах.

№ 10 выходит 28 XI.

СОДЕРЖАНИЕ: а) Подготовка на учебной смене. Аспирантура, условия ее работы, социальные условия аспиранты, идеология смены, взаимоотношения со старой профессурой и учащейся молодежью. Крупные работы аспирантов. б) Новые вопросы непрерывной практики. в) Подготовка педагогических кадров. Производственная практика, условия работы, учебы, жизни. г) Научно-технические кружки.

Опытный передатчик НКП и Т с 11 до 11—30 ввеч.

ПЯТНИЦА 1 НОЯБРА:

- 1) Беседа председателя ЦБ тов. Артемова «Что нам делать в ноябре».
- 2) Обзор всероссийской прессы о вузах и студенчестве.

ВТОРНИК 5 НОЯБРА:
Газета «Красное студенчество».

ПЯТНИЦА 8 НОЯБРА:

- 1) Студенческий литературный вечер.
- 2) Обзор прессы.

ВТОРНИК 12 НОЯБРА:
Газета «Красное студенчество».

ПЯТНИЦА 15 НОЯБРА:

- 1) Беседа о зимней физкультуре.
- 2) Обзор прессы.

В
С
Е
М

ТОВАРИЩИ СТУДЕНТЫ КОРЫ ДЕНТЫ

Пишите нам для радиогазеты и радиостранички. Каждое письмо мы охотно используем. Сообщайте свой адрес, и мы быстро вышлем вам наши очередные радиотемы.

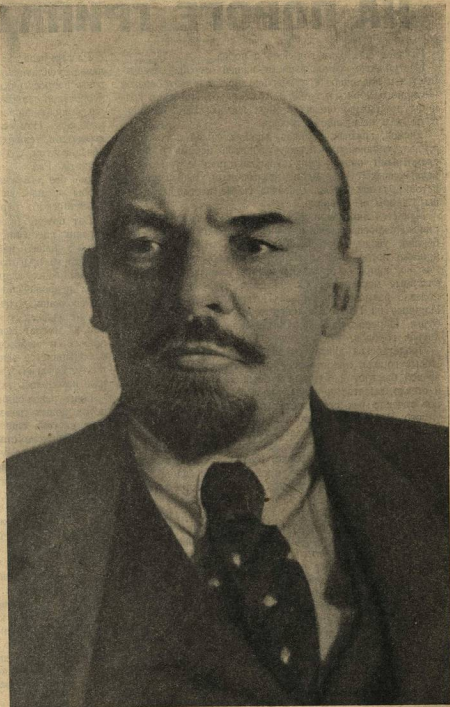
Спрашивайте нас обо всем, что касается вузов, студенчества и вообще всех вопросов подготовки специалистов. Мы немедленно ответим Вам по радио или почтой.

Все письма, корреспонденции, запросы направляйте без марок по адресу: Москва, 9, Тагурская, 17, Радиопередача «Красное студенчество».

В следующем номере «Красного студенчества» читайте статью
«КАК РАДИОФИЗИРОВАТЬ ОБЩЕЖИТИЕ»
До свиданья, товарищи, до следующего номера.

**О
К
Т
Я
Б
Р
Ь**

**1917—1929
ГОД**

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИ
ТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРА
ТУРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**КРАСНОЕ
СТУДЕНЧЕСТВО**

**ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО
БЮРО ПРОЛЕТСТУДА
ВЦПС И МБ**

№ 7

В. И. Ленин (В. И. Ленин)

НА ПОРОГЕ ТРИНАДЦАТОГО

Прошел еще один год боев и побед.

Наступление социализма в нашей стране превращается в подлинное триумфальное шествие. От берегов Полярного моря до знойной Абхазии, от Польской границы до Тихого океана в двух частях света воздвигнуты леса невиданной стройки.

Нищая, грязная, больная, вшивая, дикая и голодная страна, управляемая невежественными царями и полуграмотными чиновниками, скованная цепями темноты и религиозных суеверий, в неслыханном, небывалом в истории темпе догоняет сейчас самые передовые страны Европы и Америки.

Меняется лик земли. Карта бывшей Российской империи перекроена вдоль и поперек. Исчезли старые губернии, уезды, города. Изумленный путешественник, приехав после двенадцатилетнего перерыва в бывшую Россию, напрасно стал бы искать старые привычные, знакомые места. Нег их. Исчезли безвозвратно. Бесполезно разыскивать старый Петербург, Екатеринбург, Царицын на Волге. Не найдете вы Юзовки, Екатеринбург, Царевококшайска, Симбирска, десятков и сотен других городов.

Пролетарская диктатура меняет не только названия. Новые города, пролетарские центры вырастают со сказочной быстротой. Одетые в бетон и кирпич, в железо и стекло, высятся громады новых заводов, фабрик. Бурное течение рек сковывается плотинами, воды неукротимого Волхова поворачивают электрические турбины, шумная Кура отдает тысячи киловатт энергии Советской Грузии. Из мокрых болот Балыхы и Шатуры, из Каппры, Штеговки, Кузнецка и десятка других мест тянутся медные провода, разносящие электрическую кровь по жилам Социалистического советского союза.

Днепровские пороги готовы скрыться под водой, поднятой плотинами Днепростроя. Волга последние годы течет в Каспийское море. Соединенная каналом с Доном, она скоро понесет часть своих вод к азовским берегам. В Уральских горах разносится громовое эхо ударов—строятся заводы-гиганты. Сотни буров врзаются в недра земли, извлекают новые богатства. Уральская нефть, соникамский калий, хибинские апатиты, железо и медь, уголь и золото.

Хлопок, шерсть и хлеб потекут по стальной ленте Турксиба. Библейские караваны верблюдов в бесконечных песках Средней Азии обгоняет советский самолет.

Обновляется старая земля. Социалистические хлебные фабрики заменяют лоскутное хозяйство мелкого крестьянина-собственника. Длинные шеренги тракторных колонн перепахивают поля и жизнь людей, мысли их и повяты.

Крепкие обручи пятилетнего плана стягивают в единый цельный организм все народное хозяйство на протяжении шестой части земного шара.

Революция уходит вглубь. От красной Москвы до самого далекого аула Казахстана, от шахт Донбасса до сопок Сахалина—везде чувствуется ее горячее дыхание. Ожесточенная классовая борьба сопровождает каждый наш шаг, каждую новую победу.

12 лет существования пролетарской революции показали всему миру, что новый класс, выдвинутый историей на первое место, содержит в себе неисчерпаемый источник энергии, воли, творческого энтузиазма. Большевикская порода людей, порожденная в громе октябрьских побед, творит дела, непонятные старому капиталистическому обществу.

Развернутое, форсированное социалистическое наступление, усилившаяся классовая борьба особенно заостряют вопрос о подготовке кадров командиров промышленности и сельского хозяйства. Задачи советской интеллигенции, специалистов в реконструктивный период изменились. Нам недостаточно уже сейчас инженеров, агрономов, техников, только честно относящихся к своим обязанностям, сочувствующих советской власти и пролетариату. Работа нового советского специалиста немалым без его участия в классовой борьбе, без того, чтобы он не был боевым командиром верного ему пролетарского отряда.

Вот почему именно сейчас подготовка кадров пролетарских специалистов является одним из самых узких мест в нашей работе. Можно смело утверждать, что в области подготовки живого человеческого материала пролетарских кадров мы сейчас переживаем еще период первоначального социалистического накопления.

Революция долгие годы шла за стенами высшей школы, не задевая ее изнутри, не ломая ее коренным образом. В момент октябрь, наполненная дворянской, помещичьей и мелкобуржуазной публикой высшая школа в большинстве занимала позиции, враждебные пролетариату. Студенчество или трусливо укрывалось от гроз, или находилось по ту сторону октябрьских баррикад.

Годы революции, конечно, многое изменили. Влился поток новых людей и занял скамьи в аудиториях, но сама система еще целых одиннадцать лет оставалась в высшей школе старой. Лишь на двенадцатом году затрещали старые устои, наступил Октябрь в вузе.

Правдуя сегодня годовщину пролетарской победы, рабочая и крестьянская молодежь, обучающаяся в наших вузах, втузах, техникумах, рабфаках должна четко представлять себе сложность, трудность и ответственность задач, возложенных на нее.

Реформа высшей школы сопровождается такой же острой классовой борьбой, как и все этапы социалистического строительства. Тяготы и невзгоды этой борьбы в значительной части ложатся на плечи пролетарского студенчества.

Равно еще радоваться нам победам на фронте классовой борьбы за кадры. Бои в самом разгаре. Крепки еще форты и крепости старых традиций, рутин, консерватизма. Цепко еще держится в науке буржуазная идеология, много еще антисоветских, иногда прямо черносотенных, настроений среди профессуры, немало остатков старого мелкобуржуазного гнилья застряло в студенческой среде.

В тринадцатый год революции высшая школа вступает, находясь на военном положении. И ведь подсчет завоеваний рабочего класса за истекшие годы, мы должны так же точно подсчитывать и преграды, стоящие на нашем пути.

Предстоящий год должен быть решающим в борьбе за реформу высшей школы. Каждый студент-пролетарий должен драться за то, чтобы к тринадцатой годовщине Октября камня на камне не оставалось от мертвого, ненужного, вредного груза, оставленного нам старой школой.

Расчищать почву от дряхлых развалин и возвести на нее новое здание советской высшей школы—вот задание на будущий год. Это задание должно быть выполнено безоговорочно, точно, в срок, как боевой приказ. От четкого, быстрого темпа выполнения реформы зависит судьба нашей пятитетки.

О К Т

Если бы мне
труба
хотя б,
вместо
моей гортани
Я б раскрубил бы
тебя, Октябрь,
громкоговорителей
ртом!

Если бы мне
не бумага рябь,
и все небеса,
и я уже
вширь расписал бы
тебя,
Октябрь,
красками

звезд
сияющий!

Ты прошагал
символ двенадцать лет,
с каждым заводом
вровень,
тянется лет
сияющий след,
залп
не утих
Аврорин.
Та же гремучая
кровь живет,
грохоты те же
льются —
ширя колхоз
и строй завод —
знаем:

живет
Революция!

Нет!

Не качнулась она
назад
как сбитый пургой
осинник —
жива Революция!
Еще не взят
бюрократизма
Зимний!
Жива революция!
И пора
баррикады
сломить великие —
пока не расстреляны
юнкера
от воды
и религии!
Гражданская
длится еще война,

и длить
с кулаками
нам ее —
границу страны
стержет, стройна —
Дальневосточная
армия!
Еще не окончены
все бои —
и цепи врага
не узяты.
Вздымая
высокие
лбы свои,
Октябрь
продолжают
авузовцы.
И пряди

Я Б Р Ь

вчера молодых
серебря —
длится
и вновь начинается
Двадцать пятое
октября
тысяча девятьсот
семнадцатого!

Оно пронеслось
за двенадцать лет,
слову и сердцу
вровень,
тянется лет
сияющий след,
залп
не утих
аврорин!

С. КИРСАНОВ

ПЛАТФОРМА ШЕСТИ

Этнографическое отделение геофака ЛГУ начало работу половину учебного года.

Этнографическая наука, так же спокойно и незмутимо, как в прежние годы, переплывала очередную ступень своего существования.

Только что прошла годовая этнографическая выставка с кавказскими и якутскими костюмами, с узбекскими ножами, наполненная образцами рогов, ложек, замков (продукция кустарей), увешанная картин и фотографиями. Этот арсенал практических трофеев оставался затем на весь год в студенческом музее.

Почти одновременно несколько дипломатов защитили свои дипломные работы—«Обрядовое пение», «Занятия переселенцев Семипалатинского округа», «Гонимое производство великорусов». Работы, хотя чисто описательного свойства, были единогласно одобрены профессурой. Они показали, что дипломаты в достаточной степени проявили наблюдательность и точность в описании. Только «столы» отделения, проф. Богораз-Тан остался при прежнем мнении, что у этнографов дипломатов отсутствует научный метод и широкая цель. Указный репортаж, описание ради описания, рассмотрение вещей и обычаев с точки зрения их независимого, имманентного развития вот главная и тягчайшая болезнь отделения.

Только исторический материализм ставил на землю танцевенную субстанцию прогресса и прочно привязал ее к человеческому обществу с его борьбой и творчеством. Нет человеческой культуры, а есть общество, создающее на определенной ступени развития производительных сил свою настройку—идеи и вещи, обряды и песни, такие, а не иные свадьбы и крестины, дома и орнамент. И поэтому всякая попытка объяснить тот или иной факт в этой надстройке возможна только тогда, когда факт этот рассматривается не сам по себе, а через призму того же человеческого общества.

Марксистской этнографии или марксистской истории отдельных элементов надстройки у нас еще нет. Она только рождается, только начинает пробовать сложную научную традицию. Скорода эта в виде известных томов классиков Хруцины—туманит головы не только профессуре, но аспирантам и студентам.

Использовав метод отцов этнографической науки, создадим подлинно марксистскую этнографию,—так возвестил на двухчасовом плакате студенческой научно-исследовательской кружок, кстати сказать, вполне искренно стремившийся к марксизму.

И когда на весеннем совещании этнографов Москвы и Ленинграда выступил представитель Знакомцев т. Антекарф, это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Этнографам, действительно, было из-за чего взволноваться. Этнография, как особая наука, объявлялась несуществующей, ее место занимала история человеческого общества.

Заявление это было настолько неожиданно, что большинство совещания пришло в неопытный ужас перед этой картиной всеобщего разрушения и взвилось на дыбы. Профессора и студенты, партийцы и беспартийные, попеременно бия себя в грудь, утверждали, что марксизм им дорог и для этнографии необходим. Но все же этнография есть наука особая, к которой марксизм можно лишь прилепить надобные почтовой марки, никак не разрушая при этом всего сооружения.

Попутно обнаружилось и явно антимарксистские течения и компромиссы, выступили сторонники культурно-исторической школы во главе с проф. Преображенским, идейные наследники и ученики этнографа-идеалиста проф. Л. Я. Штернберга, этногеографы и просто философы-одиночки. Все они схватывались друг с другом на каждом шагу и никак не могли договориться, что же такое в конце концов этнография, что она изучает и каковы ее методы. В то время как одни передавали в ее распоряжение эпоху от начала культуры до промышленного капитализма, другие скупно замыкали этнографию в рамки первобытного человечества, не зная, впрочем, в каком веке эта первобытность кончается. Словом, среди руководящих голов обнаружился такой сумбур, такая смена в понимании элементарной категории своей науки, что дальше некуда было идти.

Среди студентов отделения лишь шесть третьекурсников не присоединились к коммюне протеста против резкого заявления докладчика из Комкалемеи. Они, наоборот, полностью приняли общие положения доклада. Им и раньше была

ясна идейная путаница, царившая в этнографии; они понимали, что этнографию надо не приклеивать к марксизму, а взорвать и построить заново на новой почве.

Каждое воскресенье в шесть часов вечера собиралась шестерка (будни были загружены занятиями и общественной работой) и засиживалась до последнего трамвая. Подготавливали сначала материалы совещания и сошлись на том, что нынешнее состояние этнографии есть состояние идеологического разброда и чтобы вывести ее на правильный путь, нужна крепкая рука марксистских сил центра. Затем переходили к другим вопросам—Л. Я. Штернберг и его метод, «Фрейд и этнография» и т. д. Для обсуждения старались подобрать наиболее живые вопросы.

Проф. Штернберг, читавший лекции на отделении, идеалист. Культура у него зависит от чего угодно—от географической среды, от врожденности стремления к прогрессу, но не от развития производительных сил. Тем не менее, ему и его методу, в действительности формально-сравнительному, продолжают воскуривать фимиамы его верные ученики-ассистенты. На него пытаются даже натянуть марксистский мундир.

Известный психолог Фрейд в своей книжке «Тотем и табу» сделал вылазку в область общественных наук. Его смелая параллель между примитивным человеком и душевнобольным кое-кого увлекла. Нужно показать, что рассмотрение человеческого общества из окна психиатрической клиники методологически неверно и ведет к абсурдным результатам. Вряд ли кто согласится, что первобытный анимизм и магия не что иное, как невроз «всемогущего» мысли.

Противник наиболее серьезный—школа этногеографов. Глава ее—проф. Богораз-Тан теперь искренне идет к марксизму.

У этногеографов культура развивается во времени и в пространстве и от этого географического пространства отчасти непосредственно зависит. В пространстве происходит зарождение двух культурных центров: между ними возникают токи взаимодействий, и оба центра сливаются вместе, образуя один культурный. Таков был древне-восточный культурный, получившийся от слияния Вавилония и Египта.

Географическая среда—главный божок большинства этнографов,—также не может иметь самостоятельного значения. Не повторяя того, что говорится в учебниках истмата, заметим, что Закавказья в одной географической обстановке существуют хозяйства и кочевые и оседло-земледельческие.

К концу года шестеро марксистов изложили свои воззрения на этнографию в «Тезисах группы марксистов», подчинив название «платформы шести». В них ясно указывалось на кризис науки, на беспомощность всех попыток компромисса с марксизмом. «Поскольку все части человеческого общества суть его составные элементы, постольку и изучение этих конкретных элементов должно вестись одной наукой—историей человеческого общества». Применение марксистского метода означает конец этнографии, как самостоятельной науки. Зато история человеческого общества расширяется и дифференцируется, для того чтобы охватить материал, ей отныне предназначенный. Нет этнографов, а есть истории религии, материальной культуры, и т. д.

Правда, факультетская стенновка в заметке «Аптекариеты на геофаке» несколько иронически информировала читателей о событии, но лучшая часть студенчества относилась к делу далеко не коммюнистически. Часть преподавателей и студентов уже заявила о своей готовности подписаться под «символом веры» молодых марксистов.

«Шестерка» распространила, успев перед разездом набросать схему программы полевых этнографических исследований. Научить этнографа не только собрать и описать, но описать и объяснить—вот как должна строиться работа в поле. Нужно чувствовать смысл каждой собранной вещи для общества, связь ее с «базисом». Нужно...

Но довольно. Все то, что нужно нашему отделению, не перечислишь в одной статье.

В этом году готовится большое бои. Марксистская группа отделения выступит в решительный поединок против старой этнографии, за новую науку, за новые методы, за новые программы полевой практики, новые темы дипломных работ. В этой борьбе марксистские силы Ленинграда и Москвы должны принять участие. От исхода этой борьбы зависит идейно-научная годность тех работников музеев, экспедиций, советских органов окранны, которых выпускает отделение.

В. Дружинин

СИСТЕМА И ЛЮДИ

Термометр показывает ноль. Система вузов в Советском союзе остается пока нерушимой.

Система и люди. Люди творят систему. Система, организация работы—огромная прогрессивная сила. Но «ни-что не вечно под луною». Костенет, мертвет система. Из орудия прогресса она становится его мертвым грузом и железной спирительной рубашкой.

В Москве имеются три химфака. Все они существуют разрозненно друг от друга, «но зато в сообществе с факультетами, с которыми имеют очень мало общего. Между механическими факультетами Ломоносовского института и МВТУ родства неизмеримо больше, чем между механическим факультетом и химфаком МВТУ.

Таких примеров можно было бы привести огромное количество. У нас часто вузы сравнивают с фабриками. Но ведь никто не знает такие фабрики, которые бы одновременно производили шелк, табак и паровозы. А вот многие из наших «фабрик будущих специалистов» готовят продукцию не менее разнородную, чем смесь шелка с табаком и паровозами...

Деорганизованность современной системы высшего технического образования ярче всего сказалась на непрерывной производственной практике. Каждый вуз и вуз оказались перед необходимостью организовать непрерывную практику для ряда различных специальностей. Ряд одноименных факультетов предстали перед производством с совершенно различными требованиями и установками. Ни малейшей плановости и организованности. Конференции промышленности и вузов по непрерывной производственной практике напоминали собой, по выражению проф. Дукельского, сахарский торг. Одному факультету удавалось захватить больше мест для практики, чем ему нужно было. Одноименный же факультет страдал из-за нехватки мест.

Анархичность и безалаберность на «рынке» непрерывной практики были до того очевидны, что еще 12 июля конференция по разработке методических вопросов непрерывной производственной практики пришла к мысли о необходимости создания так называемой «кооперации».

Химфаки МВТУ, МХТИ и МИНХ объединились для наилучшего проведения практики. Была выработана общая программа практики, на основе которой создавались затем индивидуализированные программы для отдельных предприятий. Распределили места и установили правильное чередование практикантов на предприятиях. Отныне перед промышленностью выступали не разрозненные, постоянно враждующие между собой, факультеты, но единая кооперация трех химфаков с одним общим лицом с общими интересами и даже с общим инструктажем.

Все места практики были разделены на «сферы влияния»: МХТИ поручили руководить практикой на текстильных и кожевенных производствах. Плехановскому институту—на ТЭЖЭ и Моссельпроме. МВТУ передали резиновое, красочное и основное производства. Каждый институт организует в пределах своей «сферы» инструктаж, разрабатывает программы, контрольные задания и разрешает возникающие конфликты.

Казалось бы, задумано хорошо и результаты должны получиться наилучшие. Но на сцену появляются «вузовский патриотизм». Работники МВТУ убеждены, что у их института наиболее «высокая марка».

Менделеевцы и плехановцы думают иначе. Инструктора МВТУ, по уверению менделеевцев, заботятся исключительно о «своих» и подводят «наших». Работники МВТУ

Химическая лаборатория

Фото М. Бочарова

придерживаются как раз противоположного мнения. Они не скрывают: быть может и в самом деле «наши» инструктора «немного пристрастны», но зато инструктора Менделеевцы—это же верх вероломства и лицемерия!

Попытка к созданию кооперации имела место и по электрофакам. Здесь было создано подобие кооперации между электрофаками Плехановки, Ломоносовского института, МВТУ и Московским электротехникумом. Однако электрофак Ломоносовки вскоре отошел, мотивируя это «особенностями» своей программы. Между остальными участниками формы кооперации были очень бедны. Общие программы были созданы только по монтажу. Кроме того были созданы общие программы для вторых курсов электрофаков Плехановки и МВТУ. Дальше этого кооперация в электрофакках не двинулась.

Кооперация пока что не слишком удалась. Но движение в сторону кооперации возникло не спроста. Оно выразило собой вполне назревшую потребность в перестройке системы нашего высшего технического образования. Вместо «лоскутных», «универсальных» учебных заведений мы должны немедленно создавать новые институты, с резко выраженной специализацией. Объединим все химфаки в один институт, механические факультеты—в другой, электрофаки—в третий и т. д. Это сразу ускорит намного темпы реформы вузов.

Совместительство профессуры тормозит реформу наших вузов и вузов. Но создание отточенных вузов подорвет почву у совместительства. Проф. Викторов может сейчас совместительство в МВТУ и в Менделеевке, потому что при этих институтах существуют отдельные химические факультеты. Но объединить эти факультеты в один химический вуз, и проф. Викторов не будет совместительство.

Наши вузы бедны лабораториями. Это тормозит выпуск специалистов. Однако создав однотипные вузы, мы сможем укрупнить и намного улучшить наши лаборатории.

Непрерывная производственная практика намного выигрывает по своей организованности и планомерности, если мы вместо современных лоскутных вузов, создадим действительные фабрики и заводы по подготовке специалистов. Ибо одно дело—разрозненные химфаки, другое—кооперация, и уже совершенно иное—единый химический институт.

Нам скажут, подобная перестройка вузов встретит жесточайшее сопротивление профессуры. Но легче раз и навсегда выдержать бой, чем ежедневно и ежечасно трепыхаться в конфликтах.

ИТАК, В ПРОШЛЫЙ РАЗ...

Студенчество давно подымало свой голос против лекций, против дряхлой системы занятий.

Помещенная ниже зарисовка «медленно текущих часов» — типичная картина нашей вузовской жизни. Пассивность аудитории, убийственная скука, медленно и нудно напевающие слова профессорской мудренности, царящий над всем столетний трафарет методики — это старое, дооктябрьское.

Решительный напор на старую систему и консервативные убеждения в необходимости лекций и они отлетят в вечность.

Профессор берет мел, равнодушно, скучающе осматривает аудиторию. Глаза чуждо скользят по лицам и аудитория не делится на отдельные люди, а выступает каким-то одним незнакомым, но привычным многоликим чудовищем. Многорукое, многоглазое — оно шестит бегими бумажными листами, скрипит карандашами, перьями, а верхние ряды уходят далеко в высь, кажется сужаются в перспективе, как «пара прямых» в евклидовом пространстве, возможно, не оканчиваясь, идут в таинственную математическую бесконечность, как глубокие ветви гиперболы, нарисованные на доске.

Может быть...

Но профессор никогда не думал об этом. И зачем? Ведь это не поможет решению уравнения Пфаффа и не внесет большей ясности в сложную проблему Коши!

Ведь сегодня ему надо только доказать, что уравнения Лагранжа в сущности не представляют больших затруднений.

Глаза профессора, как всегда, не нашли в аудитории ничего замечательного и остановили свое внимание на длинных бледных пальцах своей профессорской руки. Профессор внимательно рассматривал ногти, пока затихал шум в аудитории и принял твердое решение — подстричь ногти сегодня же вечером.

Шум перешел в слабый приглушенный ропот. Где-то наверху еще вспыхивал шопот по рядам, когда профессор механически повторил знакомую фразу. Ее он недавно не делил на слова, в сознании не отмечал их отдельный смысл; он знал, что фраза вообще имеет нужное содержание и что как раз он ее произносит 30 лет подряд перед началом каждой лекции.

«Итак, в прошлый раз мы показали, что...»

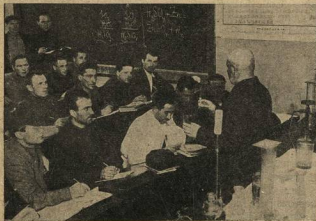
«Мы» завозились ногами, чтоб удобнее усесться. А профессора давно манила, как рюмка водки пьяницу, черная чистота доски, он предвкушал большое удовольствие провести мягким мелом первую черту по блестящей поверхности. Профессор заботливо стер пальцем какую-то завитушку, беспокойно маячившую на самой середине доски.

«Итак, в прошлый раз мы показали...»

Размеренный старческий голос скрипит, как немазанная телега или часами как скучный осенний дождь, томительно выстуживает заунывную мелодию. Слова отбиваются в круглые однообразные подирированные шарики, не цепляясь за сознание, падают куда-то в пространство и исчезают, а потом всплывают, толким туманом одурманивая голову.

«Особый интеграл — это такой интеграл, который не получается из общего ни при каком значении...»

Профессор давно украсил всю доску пышными узорами математических уравнений, извилистыми фигурами причудливых кружев вьются греческие буквы и для многих давно утеряна цель рассуждений, порвалась тонкая нить смысла, натожиившись на непонятное обозначение, хитрую операцию; блестящая деталь, лучшее мастерство знаменитого математика украсилась вопросом, как неприятное недоразумение. Ведь спросить, перервать профессора нельзя... Разве можно остановить ход светил, движение планет? Ведь профессор не ловко смутится, непривычно заторопится, попросит повторить вопрос. А как в одно слово уложить все мучительные сомнения относительно какого-то дифференциала? Ведь профессор не умеет понимать студента. Ведь профессор и студент так мало знакомы!.

Лишь небольшая группа более подготовленных студентов на первой скамейке с взъерошенными волосами, обаятельными глазами в упор расстреливают профессора, ожидая каждую минуту, как от врага, новых препятствий,—застывшего слова в бороде или коварной трюпки, не пощадившей нужного знака.

Профессор ускоряет темп. Как в кино вспыхивают на экране белые строчки и исчезают. Профессору некогда, профессор торопится, нудная ритмичность речи переходит в надредедливое жужжание, и даже скупые жесты профессора, острый подвижной кончик длинной бороды, сиротливый клок волос на голом черепе красочнее, больше останавливают на себе внимание. Все они живут своей как будто отдельной жизнью, каждое имеет свои привычки и повадку, которые первым делом изучаются студентом.

Клок волос прибитый, примятый, иногда появляется горделиво торчащий, придавая маленькой тешедушной фигурке профессора задорное, козлиное выражение.

Профессор ускоряет темп. Иногда запутывается сам, ошибается, тогда почему-то краснеет и оттопыренные розовые уши резко выделяются на черном фоне доски. Профессор мудр и строг. Профессор не допускает ошибок—поэтому он теперь проносится бешеным аллюром.

Студенты наблюдают темпы, тихо постукивают в такт ногами и думают о многих приятных вещах.

«Хорошо тому, кто теперь сидит в читалке, грязя страничку сколько хочешь и никто не обидется и никому не помешает. И чорт дернул...

«Мы видим, таким образом, что нахождение общего интеграла равносильно отысканию семейства кривых...» вырывается в сознание целая фраза...

«И чорт дернул пойти на эту лекцию—потерять три часа».

«Между рациональными числами на прямой рассыпаны иррациональные»—гудит откуда-то профессор.

Иногда привлекает внимание какая-нибудь скобка или амбисловатая буква.

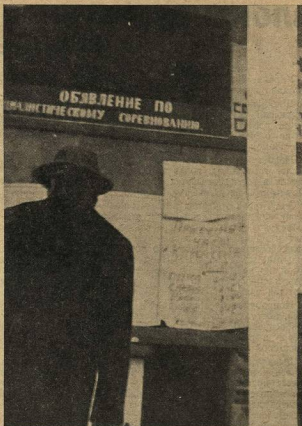
— Скажите, что это «фи» или «пси»?—тихо обращается студент к своему соседу.

— Пси...

— Спасибо.

— А может быть фи...—неожиданно мрачно добавляет спрашиваемый, кладет голову на руки и тщательно изучает прорванный носок своего ботинка.

Любопытный студент еще с минуту шурится на коварную букву, но вот профессор отрезал ей замисловатый хвост—причину внимания студента, а потом и вся она исчезает совершенно.

Профессор «заинтересовался» социалистическим соревнованием

— Двадцать четыре...—сообщает Симка Гуревич Борису.

— Что?

— Двадцать четыре ступеньки—удовлетворенно показывает вниз рукой Гуревич.

— Двадцать пять... Я сосчитал,—зевает оппонент.

— Ты смотри,—воодушевляется он,—до трещины десятая?

— Десятая... Ну?

— До окна восемь... У нас там десять и восемь... Мы имеем...

Борисов многозначительно поднимает палец.

Трое студентов на самой верхней скамейке совсем не слушают: один из них открыл учебник, написанный профессором лет тридцать назад и тихонько суфлирует профессору. Профессор, как актер, иногда повторяет слово в слово. За сорок лет преподавания он наизусть выучил свой курс...

— Ну, это решение тривиальное—комично улыбается студент.

Тем временем профессор пришел к какому-то выводу, смотрит скучающе в угол аудитории, потом в окно, где сумрачный уличный свет бессильно борется с электричеством и декламирует разочарованно:

— Ну,—это решение тривиальное.

Студент иронически подмигивает глазом и одобряюще продолжает:

— «И мы, конечно, не можем удовлетвориться этим решением».

Профессор, подумав немного, сунув руку в бороду, объявляет:

«И мы, конечно, не можем удовлетвориться этим решением»...

Профессор смотрит на часы и медленно сходит со ступенек кафедры.

Он кончил лекцию.

Коллективно скучают

ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ

Упрекнуть студентов Ломоносовского института в узости взглядов никак нельзя.

Широкий теоретический размах, обобщающая и координирующая научная мысль, энциклопедия цифр, коэффициентов, расчетов, ходячий «фитте», а не человек— вот примерно о чем мечтает большинство выпускников-дипломантов, Ломоносовского института.

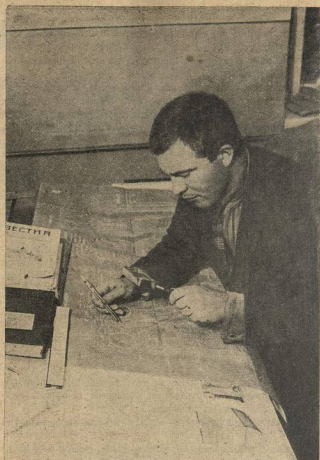
Подобные мечты не новость. Точно так же мечтали и 12 лет тому назад, когда вылощенные «белоподкладочники» парили в розовых высотах отвлеченной науки, с презрением поглядывая на дымные фабричные трубы.

Эта старая традиция высшей школы Российской империи царит еще, к сожалению, и в атмосфере некоторых советских вузов. Ореол инженера «широкой специальности» терзает и манит многих наших вузовцев. Они готовы строить электростанцию на несколько миллионов киловатт, автомобильный завод во всесоюзном масштабе, второй Днепрострой, но не меньше. На меньшее они не согласны. Рассчитать и спроектировать станок, турбину, дизель— мелочь, не стоящая внимания «настоящего» инженера.

Попробуйте блестяще пройти пятигодичный курс Института, поступить по специальности на завод, завоевать путем добросовестной работы доверие старших инженеров, мастеров и рабочих и попробуйте при всем этом не сдать дипломной работы.

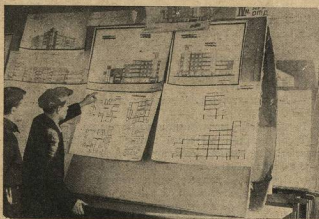
Вы будете обвинены в жесточайших пороках. Вы окажетесь неспособным специалистом, узким практиком. Вы не имеете права занимать инженерскую должность. У вас будут вечные неприятности с администрацией завода: ей придется держать вас как техника или мастера при фактическом исполнении инженерских обязанностей. Вас обругают недоучкой и невеждой и все оттого, что вы не сдали дипломной работы.

Получение диплома представляется многим не иначе, как через защиту дипломного проекта. Сам этот факт считается с давних времен каким-то переломным моментом в жизни специалиста. До диплома он просто студент, а после защи-

Не спит и не ест и без дыры не видит

Фот. Кислова

Витрина растряченного времени

Фот. Кислова

ты—инженер, квалифицированный специалист, отгороженный от простых смертных красиво и внушительно расписанной бумажкой.

В «доброе старое время» защита дипломного проекта обставлялась со всей пышностью и торжественностью. Растроганные родственники и знакомые дипломанта, ничего не понимая из всего происходящего перед ними, сидели с почти-теплыми лицами в первых рядах аудитории, профессора ждали рывком новоспеченному инженеру и произносили торжественные напутствия, первокурсники поглядывали с завистью и восторгом на приближенного к «лику святых», богатые родители готовили тепленькое местечко. Дипломная работа была крещением на христианство—инженерский подвиг. Диплом был «священной хуртувей», диплом был правом на жизнь.

Это старое, консервативное представление о дипломе и дипломных работах не искоренено еще и в наших советских

вузах и вузаух. Изменились методы и формы преподавания, изменились сроки и программы подготовки кадров, изменились отношения между производством и высшей школой, а защита диссертации, сдача дипломных проектов живут по инерции, случайно уцелев от старого наследия.

Реконструктивный период нашего народного хозяйства требует от нас громадное количество новых специалистов. Успешность выполнения первой пятiletки во многом зависит от своевременного разрешения вопроса о кадрах.

Фабрики, заводы, тресты, ВСНХ, Наркомтруд, Наркомпрос— все кричат о недостатке специалистов.

Где же они? Что же делают вузы и вузаух? Где обещания, где планы разверстки, где тысячи, ежегодно оканчивающиеся вузаух? Что они испаряются, отдыхают или переквалифицируются в конторщики?

Нет, окончившие курс вузов никуда не исчезли и, к сожалению, даже с места не сдвинулись. Пребывают они спокойно в своих институтах и университетах. Обитают они в длинных списках дипломников, образуют паразитический парост, тормозящий разрешение проблемы кадров и задерживающий перевод нашей промышленности на более высокую техническую базу.

В Ломоносовском институте около 2 тысяч студентов. Представитель этого вуза с гордостью заявляет: наш вуз наимее консервативный... Рабочее ядро у нас составляет 75%... Казалось бы, что студенчество Ломоносовского ин-та более других заражено волей и энергией помочь нашему новому строительству, дать максимальное количество новых специалистов в кратчайший срок. Но в Ломоносовском ин-те почти 500 чел. дипломников—4-я часть всего количества студентов—торчит в дипломниках, нарушая все планы расцеты просвещенческих и хозяйственных органов.

14 октября в Ломоносовском ин-те прошло многолюдное и шумное собрание дипломников и студентов V курса. В информационной части был оглашен вызов МВТУ, было сообщено, что в Ин-те много дипломников, не сдающих работ второй и даже третьей год и т. д.

Сначала дипломников стыдили, звали к их сознательности, потом пригрозил твердыми сроками, пригрозил пе-

реводом в экстерны. Выбрали комиссию по выработке резолюций. Послали трогательный ответ МВТУ. Одним словом как будто все в порядке, но все это относится к официальной части собрания.

Кроме вынужденных мероприятий, не изменяющих вопрос о дипломиках, по существу ничего нового собрание не дало.

Но вот выступило несколько товарищей с попыткой коренного изменения вопроса о дипломах. Они поставили под сомнение целесообразность сдачи дипломных проектов вообще. Почти все дипломики работают по специальности и требованиям производства удовлетворяют вполне. А здесь, видите ли, по соображениям широких теоретических обобщений, увязки и образования вообще тормозится работа с выпуском, с оформлением, с наиболее рациональным распределением.

Не желая выкинуть в слова и продумать мысль своих товарищей, аудитория шикала, гикала и не давала говорить.

Мыслимое ли дело отменить дипломную работу? Да кто смеет посылать на диплом? Наши отцы и деды сдавали дипломные работы. Все известные специалисты, все знаменитые инженеры прошли через защиту дипломного проекта. Чем мы хуже их?

Сопротивление, какое было оказано предложению об отмене дипломных работ, объясняется несколькими причинами. Во-первых, консервативностью мысли, нежеланием ломать рамки старых традиций, во-вторых, боязнию быть чьей-то объектом. А вдруг возьмут, да и напишут в дипломе: «инженер, не сдавший дипломной работы».

Без дипломного проекта окончивший полный курс не считается еще инженером. Он, видите ли, не обладает достаточной квалификацией, нет у него еще способности вести горячие споры и перспективы.

Отсюда следует предположить, что именно дипломная работа и есть то качественное отличие, что превращает простого смертного студента в настоящего специалиста. Посмотрим, что это за птица дипломная работа.

Все дипломики разделяются на «честных» и «нечестных». Бесцельность процесса приготовления этого проекта и процедуры его защиты сами по себе рождают уже «нечестных».

Обратимся сначала к «честным». Они уже работают и ничуть не хуже, чем обремененные вышительными дипломами. Им хочется поскорее развиваться. Они бегают по трестам, синдикатам, мучуся по бесконечным коридорам ВСНХ — везде ищут материалы, чертежи. Самостоятельность работы дипломика сводится в конце концов к небольшому видоизменению имеющихся чертежей, к более или менее удачному «приспособиванию» толки к катушке или к расчету (правильному или нет, об этом, увы, не знает и сам дипломика) дымового проекта и т. д. Даже самые «честные» подгонят коэффициенты, температуры нагрева и т. д. Произвольно меняются цифры. Делается это более или менее ловко и проходит незамеченным.

Расчеты по дипломным проектам большей частью не проверяются. Если же случится, что на защите Комиссия выявит какой-нибудь крупный недостаток, то на это не обратят внимания.

Даже самые ярые защитники дипломных работ, помимо своего желания приходят к выводам, что дипломная работа только и есть едкая. Полезна она постольку, поскольку студент над чем-то думает, что-то читает, следит за текущей технической литературой. Во-первых, почему это углубление своих знаний должно производиться до получения диплома? Разве «законченный инженер» носит на себе обязанности работать только на службе 6-7 часов, а в остальное время ходить в кино или к знакомым на преферанс? Разве дальнейшее развитие специалиста происходит только до диплома, а не всю жизнь? Во-вторых, в нашу эпоху, в реконструктивный период, мы не имеем права разговаривать о «невредности». Пока мы должны делать только то, что необходимо. Найдется немало вещей, которые не вредны молодому вузовцу, но не в этом разрешение вопроса.

Шестимесечный, годовой или полуторагодовой срок работ над дипломной работой все равно не научат молодого специалиста построить ни завод, ни станцию, ни даже порядочную мастерскую. Никто ему это не доверит, обладая он хоть 2 дипломами. Надо поработать на производстве, в технических отделах треста, в конструкторских бюро, на

новых сооружениях лет 5—10, чтобы действительно взяться за построку нового завода.

Два слова о «нечестных». Они, чтобы избавиться от нудной и никчемной повинности, берут старые проекты, отдают копирующим заново перечертить, слегка видоизменяют что-нибудь и где-нибудь, знакомятся с расчетами и идут сдавать.

Студенческая аудитория, посвященная в тайну этого проекта, тихонько хихикает и делает поощрительные знаки «смелчаку». А ничего не подозревающий профессор крикует и высказывает недостатки в том самом проекте, который он сам утверждал несколько лет тому назад.

Получение диплома становится похожим на кукольную комедию.

Стоит ли говорить о том, что 99% всех проектов никак не связаны с дальнейшей практической работой молодого специалиста и никак не разрешают нужды промышленности, а только тормозят посылку инженеров на производство.

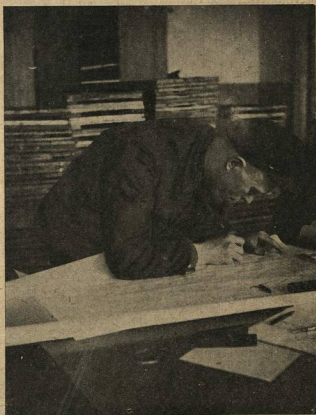
Какое-то тупое упрямство видно в желании сохранить дипломные работы. Сокращают сроки до одного года, предлагают перенести проектирование дипломных работ в конструкторское бюро при заводе, потом сокращают опять до 6 месяцев. Пытаются даже произвести маскировку, придумывают новые названия: вместо дипломной пишут квалифицированная работа, как будто от этого что изменится.

Дело дошло до того, что Хлебцентр предложил за контрактным способом, доплатив, машинистам сельского хозяйства, сдать дипломные работы в 2 месяца. Диплом превращается в анекдот.

Дипломная работа выступает в роли злокачественной опухоли на организме народного образования и нового строительства. Необходима операция. Необходимо отменить дипломные работы. Для этого нужно еще раз пересмотреть учебные планы и программы, посмотреть порядок сдачи курсовых и нормальных проектов поставить на должную высоту непрерывную производственную практику.

Мы предлагаем всем профессорам, преподавателям, специалистам, студентам обменяться своими мнениями, опытом и предложениями для скорейшего изменения недопустимого порядка выпуска новых специалистов.

Ю. Вёбер

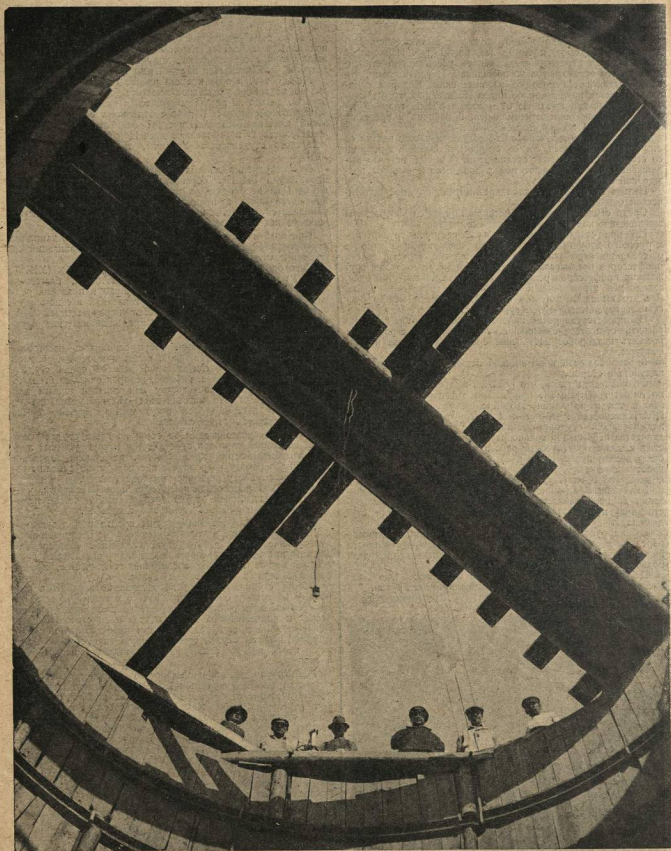
Честный дипломика за работой

Фот. В. Дзень

ПЯТЬ ЛЕТ, — В

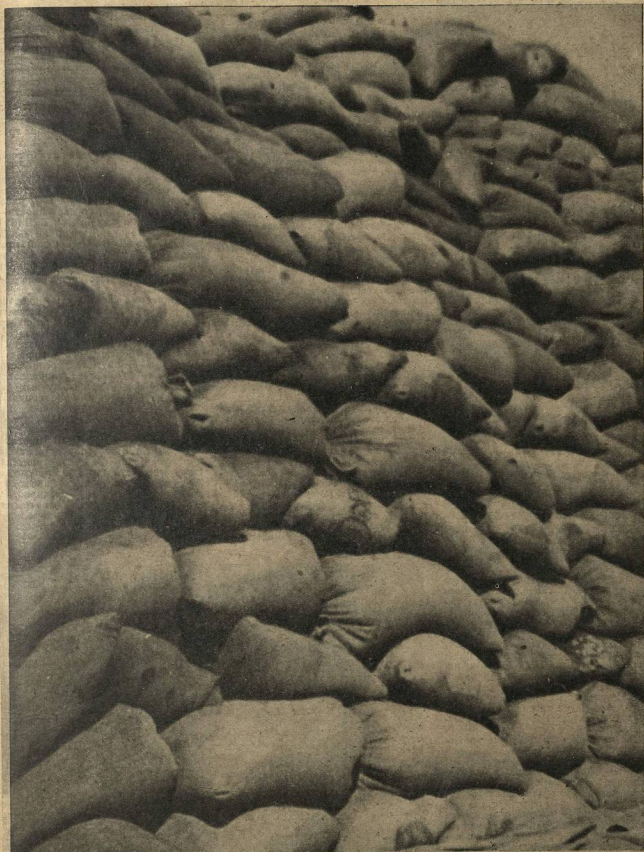
Промаля новой гигантской шахты в Донбассе

«Без систематического развертывания индустрии вообще, тяжелой индустрии в особенности, невозможно серьезное улучшение материально-культурного положения рабочего класса»

(Из обращения ЦК ВКП(б))

ЧЕТЫРЕ ГОДА!

Миллионы в заготовительных районах

«Мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелнорестьянской перешла в крупнопромышленную»

Фот. Кислова

ЛЕНИН

СТРОИМ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ПРОЛЕТСТУДА

ВСЕМ ЯЧЕЙКАМ ВЛКСМ И ВКП (б) ЭЛЕКТРОФАКОВ ВТУЗОВ И ЭЛЕКТРОТЕХНИКОВ ГОР. МОСКВЫ

Уважаемые товарищи!

Текущий период напряженнейшей социалистической стройки требует вложения всех свободных средств Советского союза на дело индустриализации страны. Требуются напряжения всех сил, величайшая экономия каждой копейки, идущей непосредственно на выполнение плана растущего социализма — пятилетки. В то же время перед будущими кадрами нашего народного хозяйства — пролетарским студенчеством — встает поднятый наркомпросом т. Бубновым вопрос о необходимости организации своего центра — Центрального дома пролетстуда.

Мы считаем, что дело постройки ЦДПС является в значительной степени делом самого студенчества, мы считаем, что только наша коллективная поддержка может обеспечить форсированный темп строительства.

Основываясь на этом, мы, организовав сбор средств среди учащихся нашего техникума, организуем воскресник в фонд ЦДПС, вызывая все possibilities нашего примера — помочь постройке ЦДПС.

Бюро ячейки ВЛКСМ Московского электротехникума.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

Горная академия. Пятиугольный зал физической аудитории № 2.

14 октября здесь было собрание студентов и профессоров факультета цветных металлов. Говорили о пятилетке цветной металлургии, о кадрах.

Где то в уголке слышны оживленные споры ребят. Они рассматривают карту цветной пятилетки. Вот они — будущие гиганты цветной металлургии: Богомоловский завод на Урале, Карскацкий в Казахстане, Коунратский комбинат на озере Балхаш, Спасский комбинат, Минусинский, Алаирский, Ридерский, Кузбасский и еще, и еще, и еще...

На трибуне фигура председателя Коллегии Госпромцвета — рабочего-выдвиженца т. Гулина. Его слушают.

— Добыча цветных металлов имеет огромное значение во всех отраслях народного хозяйства. В настоящее время мы затрачиваем десятки миллионов рублей на покупку за границей меди, свинца, цинка, алюминия и олова. Мы не должны зависеть от зарубежных капиталистов. СССР, по сравнению с другими геологическим изысканиям, имеет многочисленные месторождения руд цветных металлов от Уральского хребта до Китайской границы.

Алюминий — необходимый материал при самолетостроении — нам нужен до зареза. Сейчас его у нас почти совсем нет.

Алюминий в цветной металлургии должен занять почетное место.

Ни в одной отрасли промышленности нет такого катастрофического положения со специалистами, как в цветной металлургии. Их нет совсем. Но их нужно в короткий срок подготовить в наших технических вузах и, прежде всего, в Горной академии.

В течение ближайшего времени МГА должна дать промышленности цветных металлов необходимых ей 1 300 инженеров и 3 тысячи техников.

Заключительные слова т. Гулина были захлестнуты горячими аплодисментами.

На трибуну поднялся профессор Ванюков.

— Мы откроем первый в мире факультет по цветной металлургии, — начал профессор. — Не сразу одержали мы эту победу. Бюрократизма нам пришлось преодолеть немало. Дело прошло через десять комиссий. И только в 11-й — в Совнарком нам сказали: хорошо, создавайте факультет!

Профессор Ванюков заверяет: «Мы не подкачаем».

Ответом на эти слова — снова гром рукоплесканий.

Представитель студенчества говорил немного:

— На факультете цветных металлов мы имеем 130 студентов, из которых по социальному составу — 63% рабочих, 17% крестьян, по партийности — 38% членов и кандидатов ВКП (б) и 24% комсомольцев. Нужно ли особо уверять, что мы имеем крепкий пролетарский костяк? Я думаю, что не нужно, — цифры сами за себя говорят.

В заключение выступил снова тов. Гулин:

— Западные капиталисты радостно потирают руки по поводу сгоревшего на Алтае Ридерского комбината. Однако напрасно. На постигнувшую нас катастрофу мы отвечаем сильным ударом — открытием первого в мире факультета цветной металлургии. Сегодняшнее собрание дает уверенность в том, что при помощи научных работников, верящих в дело социалистической стройки, готовящих вас, молодых специалистов — мы построим десятки Ридеров.

Капитальные затраты по цветным металлам на пятилетку составят 383 млн. руб. Из них на новое строительство выделяется 292 млн. руб., т. е. 76%, всех затрат. К концу пятилетки должно работать до 40 предпринимательских предприятий. Мы уверены, что суммы, затрачиваемые на вас, не пропадут даром, — закончил тов. Гулин.

Евг. Синогидкин

Студент разъясняет крестьянам пятилетку

К Р У П Н Ы М

Это эпос и пафос и песня
Цифрой разрезает строку и поет.
Нашатырь под паяльником пенься,
И темней и черней, как ноль!
Спящая плана разрозненные части,
Учитывая темп и количество лет,
Я вижу сквозь времени чашу
Головокружительной эпохи полет.
Цифра сегодня развернула ландшафт
— И пошла гулять по весям и городам:
Чувствую новых заводов гарь —
Ту, отдающую потом труда,
И зерносовхозов необятные гектары,
Выбрасывающие на заготовки хлеб,
И растущих новых колхозов удары,
Старую деревню

Атакующих в лоб.
Мы рыскаем из рудоносных жил
Металлы цветные и черные,
Пустим в деревню
Через блестящие этажи
По жилам проводов киловатты проворные.
И черный корм стальным коням!
Из рубленых шахт и буровых скважин
Вытнем на свет,
Указав нашим дням,
Как каждый килограмм его важен.

От курского магнита
До солей Соликамска
Мы прошупали богатства нашей земли,
Нам кадры нужны:
От Ленинграда до Омска
Мы готовим командармов заводов и земли.
Как игра этих рифм, запекает рожок
Стрелочника на далеком Турксибе.
Он пугает верблюдов.

Я видал, как вожак
Их уносился от поезда, горбатый и сивый.
Ты слышишь, «бедная, старая Европа»,
Как поднимается из советской страны
Могильщиков твоих могучий топот,
Отдаваясь в Китае и в долинах Саны.
Твой дом обветшалый рушится и ломится —
На гроб себе доску скорее отмерь.
Мы вместе с машинами выковали пословицу:
— Что рабочему здорово, то буржую — смерть.
Мы превьсыим партией заданный план
Пятилетки миллионпорукой.

Товарищи!
Первый удар дан —
И он теперь нам порукой!

Виктор Щепотев

П Л А Н О М

ЦАРИ И КУЛЬТУРА

(Несколько подлинных документов).

Интересным материалом для характеристики взглядов последних русских царей на вопросы управления государством являются те резолюции, которые по старинному официальному выражению «его императорскому величеству благоугодно» было собственноручно начертаны на представляемых ему докладах. Эти доклады представлялись царю руководителями всех крупнейших центров государственного управления: министрами, главноуправляющими министров, генерал-губернаторами, градоначальниками.

Большинство этих докладов хранят на себе следы «высочайшего рассмотрения» резолюции на свежеставленных докладах. Первое впечатление от этих собственноручных пометок царя — самое серое. Их незначительность, несущественность и банальность кажутся несомненными, тем более, что часть докладов носит на себе следы только самого поверхностного ознакомления с ними царя, результатом которого является вот такой значок: *Л.* И первое впечатление от автора этих отзывов и пометок — очень средний и банальный человек, не имеющий как будто своих определенных мнений. «Но эти первые впечатления обманчивы», — говорит один из историков царствования Николая II. Среди сотен ничего не говорящих пометок и бессодержательных резолюций вдруг мелькает собственноручно начертанное восклицание, фраза, которая как сознательный луч прорезывает бездарную пустыню царственных размышлений над вопросами государственного строительства и заставляет по-иному взглянуть на их автора. Нет, у этого человека были свои твердые мысли, были свое законченное мировоззрение. И если бы у нас кроме «высочайших» резолюций не было иных источников для воссоздания царского облика, то подбор резолюций было бы достаточно для выпуклой характеристики Николая II.

Вопросы культуры вообще, а народного просвещения в частности, начали особенно усленно фигурировать в министерских докладах с 30-х гг. прошлого столетия.

Взгляды «помазанников божьих» на вопросы культуры главным образом можно себе представить по резолюциям последних двух царей на подобных документах.

Принцип неограниченной монархии является тем фундаментом, на котором базировалась вся государственная политика русских царей. «Я никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России», — писал Александр III, вскоре после казни Александра II народолюбцами. «На мне лежит старшая ответственность перед богом и перед Россией, тяжесть которой я несу сознательно один. Но по-моему эту ответственность только и можно нести, когда сам являешься хозяином своих желаний и действий», — писал Николай II 25 марта 1902 года министру народного просвещения Ванновскому, а английскому послу Бозенскому Николай II заявил как-то: «я сам выбираю своих министров и никому не разрешаю влиять на мой выбор».

Несомненно, что «директивы» Александра III и Николая II в области народного просвещения определялись в достаточной мере и их личной малоратомностью и культурностью. Так, Н. А. Кропоткин в воспоминаниях приводит записку Александра III к датской принцессе Дагмар, будущей императрице Марии Федоровне: «сиди за суботным столом и седи в библиотеке». На докладе об аресте М. К. Цвериковой — автора брошюры «Письмо к Александру III» и «Каторга и ссылка» Александр III написал: «брошюра при дерзости». О степени же культурности Николая II можно судить по следующему его мнению о роли кинематографии: «Я считаю, что кинематография пустое, никому ненужное и даже вредное развлечение. Только неормальный человек может ставить этот балаганский промысел в уровень с искусством. Все это вздор и никакого значения таким пустякам придавать не следует».

Русские цари всячески тормозили дело народного образования. Всякое стремление к просвещению ставилось ими в разряд неблагонадежности. Александр II приходил в ярость каждый раз, когда ему приходилось сталкиваться со случайными прохожими в средние и высшие учебные заведения представителей «низших» классов. Так, по делу 1 марта 1887 года привлечена была к суду, в числе других, и крестьянка-акusherка М. А. Аналина. В данных ею показаниях об А. И. Ульянове, который был учителем ее сына, она показала, что беспрестанно заботился о том, чтобы приго-

товить его (сына) в гимназию». Твердой рукой Александр III подчеркнул слова «в гимназию» и тут же, сопроводив свое замечание тремя восклицательными знаками написал: «Этого и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию». Другой раз, читая соблазнительное сообщение тобольского губернатора о том, что в губернии мало распространение грамотности, Александр III облегченно написал на докладе: «И слава богу».

Я не признаю себя виновной в том, что я не сделала, что могла бы сделать, чтобы улучшить положение дел в гимназии. Я не признаю себя виновной в том, что я не сделала, что могла бы сделать, чтобы улучшить положение дел в гимназии. Я не признаю себя виновной в том, что я не сделала, что могла бы сделать, чтобы улучшить положение дел в гимназии.

Вопрос о введении всеобщего обучения не раз возникал в царствование Николая II. И казалось бы в XX веке, веке величайшего культурного и технического прогресса трудно даже Николаю II принципиально возражать против всеобщего образования. Но он опасался этого нововведения, быть может подсознательно чувствуя в приобретении народом знаний угрозу своему самодержавию.

В 1909 году витебский губернатор докладывал в отчете, что земство постановило ввести в течение 10 лет всеобщее образование. На полях отчета Николай II туманно замечает: а как справиться с нужным количеством надежных учителей при введении всеобщего образования? Курский губернатор в отчете за 1896 год доводил до царского сведения, что земство, стремящееся к введению всеобщего обучения, становится перед значительными затратами и вынуждено мириться с более узкой задачей и только стремится заполнить выработанный нормальную сеть школ. Царь отвечает: Пока только это и желательно». В этих резолюциях чувствуется, как противная царю идея всеобщего обучения, и не сдерживается и не высказываете прямо против нее. Но вот наивный губернатор (Олонейский — в отчете за 1896 год) докладывает с восторгом, что за год в его губернии открыто 117 народных школ, что это небывалое явление и делается все это «в целях всеобщего обучения». Последние слова царь подчеркнул и против них написал: «злослышная торопливость совсем нежелательна». Последние три слова резолюции подчеркнуты — это уже пряма директива.

Программа воспитательная формулировалась Николаем сжато и решительно: «Прежде всего подтверждаю мое требование, чтобы в школе с образованным юношеством создавалась воспитательная его в духе веры, преданности престолу и отечеству». Малейшее же отклонение от выполнения этой линии вышло за собой царское предложение о необходимости значительного сокращения числа студентов в столичных университетах, с недопущением устройства новых высших учебных заведений в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и, наконец, он не устанавливался перед решением yine же закрыть все те высшие учебные заведения, где правильное учение нарушается массовыми беспорядками, производимыми студентами.

Таковы были взгляды самодержавного «властителя» многоликой страны на дело народного просвещения. И удивительно ли после этого вводить Россию в царствования Николая II самой отсталой страной в Европе?

Но у царя были и положительные идеалы. Об одном из положительных идеалов Николая II дает представление

следующий документ. «Введение питейной реформы,—писал в отчете за 1897 год видный губернатор,—последовало вполне успешно и было встречено сочувственно всеми классами христианского населения. Умиленный царь, прочтя эти строки, сбавил начертал: «Прочел с удовольствием».

Дошедшие до нас дневники являют прежде всего характернейшую деталь: они явствуют о полном отсутствии интереса у Николая II к современной ему литературе. Ни одного упоминания о литературных школах и группировках эпохи, ни одной фразы о встречах с их представителями, даже ни одного мнения о какой-либо прочитанной книге современного мастера слова. Да и вообще поражает позитивное отсутствие ссылок на прочитанные книги. Лишь изредка мелькает глубокомысленная запись вроде: «читал много о Юлие Цезаре». И это замислено на следующий день после отращения—3-го марта 1917 г.

Об отношении Николая II к периодическим изданиям, в частности к газетам, сохранилось любознательное указание в воспоминаниях его флигель-адъютанта—герцога Н. Н. Лейхтенбергского, напечатанных в одной из столичных газет в 1917 году «О событиях и настроениях в стране Николая II осведомлялся по докладам министров и главноуправляющим. Придавал большее значение военному делу, чем гражданским и государственным делам. Газет не перепарывал. Он не читал ни одной газеты, даже «Новое время»».

Но как оказывается и в современной печати, у царя находились свои любимые издания, о них сообщает в своих мемуарах о тобольской жизни Николай II В. С. Панкратов. «Кто-то, очевидно знавший вкусы бывшего царя, присылал ему довольно веселые журналы».

И к наукам никакого интереса не было у него. Сюда относился прежде всего науки естественные, которых царь просто не переносил. Вопросы же экономического порядка с целым рядом положений, которых ему по-неведе приходилось сталкиваться хотя бы по докладам министров (торговля или промышленности, земледелия, финансов), самым беспощадным образом им путались и также оставались для него terra incognita.

«В «Правде» недавно было опубликовано любознательнее свидетельство о применении Николаем термина «экономические вопросы», термину, сущности которого он совершенно не знал».

«В октябре 1920 г. ВЧК был арестован известный чернокопчен, квалифицированный, так сказать, погромщик, основатель и бесценный глава «Союза Русского народа», д-р А. И. Дубровин. Этот типичный старик изрядно с различным наглым взглядом, какой он гордился о беззаветной преданности своей «всем ассоциациям, кооперации и социализму вообще» и о тех благоденствиях, какими обзавоно якобы ему и «Союзу Русского народа» еврейская беднота, рассказав кое о чем, что для историка предреволюционных русских лет будет иметь несомненный интерес».

А Дубровин рассказывал в частности о питии своих встречах с царем. Впервые он был принят во дворец в 1905 году в числе «депутатов от различных сословий». Николай вышел к «депутатам», молча выслушал приветствия и Дубровина поразило его ничего не выражавшее лицо, дрожающая лышка ноги и бессмысленный взгляд осоловевших бесцветных глаз. Когда приветствия кончились, Николай помолчал с минуту, собравшись, видимо, со светлыми мыслями, потом жестом армейского поручика расправил усы и коротко сказал: — Прошу вас, работайте за экономической почвой».

Смысл сей монаршей формулы для Дубровина остался тогда загадкой. В конце же 1907 года, когда ему вновь пришлось говорить с царем по поводу предложенного ухода Пуришкевича из «Союза», Николай опять сказал:

— Не сорейтесь, займитесь совместно экономическими вопросами».

Когда эта загадочная фраза повторена была затем и в третий раз, Дубровин осведомился почтительно, что именно подразумевает государь под экономической почвой. Николай неопределенно пошевелил, подом шепнула пальцами и растерянно сказал:

— Да, вот это... вообще».

И в четвертый раз, когда Союз поднес ему в честь трехсотлетия династии икону и адрес, благодарственную резолюцию царь обвелова опять все на той же загадочной экономической почве».

«У меня сложилось тогда тягостное впечатление,—говорит Дубровин,—что государь, не имея собственной мысли, повторяет где-то слышанные и заученные чужие слова».

«Много погов, уже в тяжелые дни войны, я рассказал об этом В. В. Шульгину. Тот сормочился».

— Господи, неужели вы не видите, какой это идют. Он всем это говорит...»

Я был потрясен. Шульгин помолчал, с горечью сказал: — Собственной его величества рукой... Ха, намешка».

ВУЗЫ', СОЗДАННЫЕ ОКТЯБРЕМ.

Ни нужно много слов, чтобы познать мощный рост важных учебных заведений, возникших после Октябрьской революции.

Перечень этих вузов говорит сам за себя. Развернем исторические и запальные книги ЦСУ и увидим:

Р. С. Ф. С. Р.

Университет 1. 2-й Московский Государственный (2 МГУ) преобразован из Высших женских курсов в 1918 г. 2. Дальне-Восточный (Владивосток) возник в 1920 г. 3. Иркутский—в 1918 г. 4. Нижегородский в 1918 г. 5. Смоленский в 1918 г. 6. Казанский университет (Алма-Ата).

Индустриально-технические вузы 1. Московский горный академия, 2. Московский текстильный институт преобразован в 1925 г. из техникума (созданного в 1918 г.). 3. Московский химико-технологический ин-т им. Менделеева (1920 г.). 4. Ин-Волжеский политехнический ин-т им. Фрунзе (1918 г.). 5. Уральский политехнич. ин-т (Свердловск) (в 1917 г.).

Сельскохозяйственные: 1. Московский зоотехнич. ин-т (в 1920 г.). 2. Ленинградский ветеринарный ин-т (1919 г.). 3. Вологодский высший сельскохозяйственный ин-т (1919 г.). 4. Воронежский гос. ветеринарный ин-т (1926 г.). 5. Гос. лесной ин-т им. С. П. Крашенинникова (в 1922 г.). 6. Кувальский с/х ин-т (Красноярск) (1919 г.). 7. Самарский с/х ин-т (1919 г.). 8. Сибирский ветеринарный ин-т (1918 г. Омск). 9. Сибирский ин-т с/х лесоводства (в 1918 г.).

Педагогические: 1. Моск. индустриально-педагогический ин-т им. К. Либкнехта (в 1922 г.). 2. Моск. ин-т высшей професуры. 3. Моск. центр. ин-т физической культуры. 4. Ленинградск. педагогический ин-т им. Эрнста Тельмана преобразован из равных средн. школ в 1925 г. 5. Гос. ин-т физическое образование им. Лесгафта (Ленинград, (в 1919 г.). 6. Ветеринар. педагогический ин-т им. Ленина (в 1918 г.). 7. Крымский педагогический ин-т им. В. И. Ленина (в 1918 г.). 8. Тираспольский педагогический ин-т (в 1917 г.).

Медицинские: 1. Астраханский медицинский ин-т им. Луначарского (в 1918 г.). 2. Кубанский медицинский ин-т (Краснодар, 1920 г.). 3. Омский медицинский институт.

Учужественные: 1. Моск. ВУЗ-ТЕМИИ, преобразован из ср. шк. (в 1920 г.).

Социально-экономические:

1. Промышленно-экономический ин-т им. Рыкова (в 1923 г.).

Б. С. С. Р.

1. Белорусский гос. университет (в 1924 г.). 2. Белорусск. гос. сел.хоз. академия им. Октяр. революц. (в 1925 г.). 3. Гос. белорусский аграрный ин-т им. Г. В. Плеханова (в 1918 г.).

У. С. С. Р.

Индустриально-технические: 1. Донецкий горн. ин-т (Сталино, 1921 г.). 2. Одесский политехнический ин-т (1918 г.).

Медицинские: 1. Одесский медицинский ин-т (в 1920 г.).

Экономические: 1. Киевский кооперативный ин-т им. Губаря (в 1920 г.). 2. Одесский ин-т народного хозяйства (в 1921 г.). 3. Харьковск. ин-т народного хозяйства (в 1920 г.). 4. Днепропетровский ин-т народного хозяйства (в 1920 г.).

Педагогические: 1. Нежинский ин-т народного образования, преобразован из Историко-филологического ин-та (1919 г.). 2. Днепропетровский ИНО (в 1918 г.). 3. Житомирский ИНО им. Ив. Франка (1919 г.). 4. Одесский ИНО (1919 г.). 5. Довицкий ИНО (Луганск, 1919 г.). 6. Днепропетровский ИНО (в 1921 г.).

Учужественные: 1. Художественный ин-т (школа искусств)—Киев, 18 ноября 1917 г. 2. Одесский ин-т народного-художественного ин-та (1924 г.).

Сельскохозяйственные: 1. Киевский сельскохозяйственный ин-т им. Губаря (в 1921 г.). 2. Киевский ветеринарно-зоотехнический ин-т (1921 г.). 3. Одесский с/х ин-т (1918 г.). 4. Геленковичский земледельческо-артиллерийский ин-т (1922 г.).

УЗБЕКСКИЙ С. С. Р.

1. Ср. азиатск. гос. университет (Ташкент, 1918 г.). 2. Кавказск. писем. гос. ин-т (Ташкент 1926 г.). 3. Гос. выс. кооперативно-коммерческий ин-т (1920 г.).

Ф. Ф. С. Р.

Университеты: 1. Азербайджанский им. Ленина 2. Армянский (Эривань).

Педагогические: 1. Бакинский высший гос. педагогический ин-т (1921 г.). 2. Тифлиский педагогический ин-т им. М. Орбеладзе (в 1922 г.).

Индустриально-технические: 1. Гос. политехнический ин-т им. Стефаноса (Баку, 1919 г.). 2. Бакинский политехнический ин-т (Баку). Музыкально-художественные: 1. Азербайджанская высшая музыкальная школа (1918 г.). 2. Баку, 1920 г.). 2. Азербайджанская гос. консерватория (Баку). 3. Эриванский гос. консерватория (1922 г.). Ленинградский ин-т востоковедения им. Енукидзе.

Всего по СССР за 12 лет открыто новых 68 вузов, старая техникуму, огромная сеть рабфак, комвузов.

Вузы, созданные Октябрем, и вузы, перешедшие к нам из рук царского правительства, в настоящее время переживают вторую революцию, коренным образом домашнюю семье традиции старой консервативной высшей школы».

Передняя программа в соответствии с требованиями промышленности, тесная связь с производством, увязка задач подготовки кадров с потребностями народного хозяйства, делают вузы важнейшим участком социалистического строительства».

Питвега создает новую сеть высших учебных заведений, мы продолжим список вузов, созданных войей революционного пролетариата СССР».

Был класс, да изъездился: он поставляет кретинов, а не властителей»...

После ознакомления с вышеприведенными материалами о Николае II ничего горого улыбки не может вызвать следующие неподобающие строки в неопубликованном дневнике персоступи М. В. Курочкина, сотрудничавшего в погромной «Земле»:

«Какой он великий человек, наш ангел-хранитель, государь Николай Александрович. Во время аудиенции он был так дельски ласков со мной, что задал мне вопрос о моей литературной работе, ему известной. Из этого одного вопроса его величества я поняла, что пожимал сегодня святую руку великого, величайшего русского человека. По-моему, он просвещеннейший человек нашего времени» (?..)

ЛЕНИН—СТУДЕНТ

Вследствие особого, поднадзорного положения нашей семьи знакомые (Владимира Ильича) почти не ходили к нам, а уходя Володя на квартиры, где они собирались. Из фамилий, упоминаемых им, помню лишь две: Четверговой, покойной народоловки, о которой Володя отзывался с большой симпатией, и студента,—не помню уже исключенного ли,—Чиркова, будущего писателя-беллетриста, отошедшего потом от революции и даже перешедшего в другой лагерь. Говорил Володя мне о рефератах, которые читались у них, о некоторых событиях рассказывал с большим оживлением. К весне, как это всегда бывает, деятельность кружков стала энергичнее, и Володя стал чаще отсутствовать по вечерам.

А. И. Елизарова, «Значение Казанского и Самарского периода для деятельности Владимира Ильича», «Моя жизнь», 1926 г., № 1.

После студенческих событий в Казани за подстрекательство студентов к беспорядкам я был арестован. Отсидев месяца два, в феврале 1888 года я был выслан на два года в Симбирск, с запретом проживать в университетских городах.

Еще в 1887 году в Казани я принимал деятельное участие в организации среди учащихся молодежи конспиративных кружков революционного саморазвития. В этих кружках мы начинали с «Первобытовой культуры» Зибера и «Политической экономии» Милля с примечаниями Чернышевского и продолжали сочинениями Лассалля, «Историческими письмами» Миртова-Лаврова, разбором статей Михайловского... Моя высылка приостановила во время лекции, но зато дала мне самому возможность обстоятельнее познаться политической экономией и произведениями Маркса (я готовился к сдаче экзаменов на звание магистранта политической экономии, которые сдал в 1890 году при Казанском университете, но не был допущен к чтению лекций как политически неблагонадежный).

Но начиная с зимы 1888/89 г., я начал нелегально называть в Казань и возобновил занятия в своих кружках. Теперь уже больше внимания я уделял политической экономии, особенно же отличались мои занятия этого периода от предыдущего тем, что главное внимание я начал уделять знакомству моих слушателей с творениями Маркса.

Наша собрания с зимы 1888/89 г. происходили главным образом в пригородном саду «Швейцария», а также на квартире, пользовавшейся тогда в Казани большим авторитетом старой народоловки—Четверговой, жившей на Старо-Горничной улице.

Около Четверговой группировалось несколько старых народоловцев¹ и отчасти учащаяся молодежь. Из них по фамилиям помню: Сараханова², Кулиничко, Раваамову, Малову-Поваренных. Из моих же товарищей в этом кружке бывал Евгений Чирков, также высланный на два года (в Астрахань) и часто называвший тайком в Казань³. Чирков в это время был еще народником, и мне приходилось спорить с ним о необходимости террора, о необходимости борьбы не только экономической, но и политической. Вообще

¹ К лету 1889 года эта группа образовала в Казани народофильский кружок (во главе с вернувшимся из сибирской ссылки наборщиком Алексеем Трофимовым, помощником присяжного поверенного, Соколом и М. П. Четверговой), входивший в так называемую Сабуньевскую организацию, пытавшуюся восстановить партию «Народной воли» (душой организации был старей народоловец, бежавший из сибирской ссылки Михаил Сабуньев); см. С. Лифшиц, «Очерки истории казанской социал-демократии», «Пути революции» 1922 г., № 1, стр. 98—99.

же в кружках кроме занятий часто разговоры обращались в споры о народниках и народофильцах, а также о социал-демократах (вернее о группе «Освобождение труда»).

Основная группа моих слушателей была студентами Казанского университета, отчасти и Ветеринарного института, но нередко бывали случаи, когда приходила молодежь, фамилий которых я и не знал. В тогдешней Казани было несколько кружков, смутно догадывавшихся о существовании друг друга. Но зато в самих кружках в целях конспирации создавалось положение, при котором фамилии участников оставались неизвестными друг другу. Приходилось быть весьма осторожным, так как полиция начинала обращать на нас внимание⁴, и только моя осторожность спасла позже кружок от провала: по моему поселению в Казань ко мне пришел студент Константин Остриани и предлагал работать в подпольной революционной организации, которую он организовывал, но так как он мне не понравился, я отверг его предложение. Мое чутье меня не обмануло, так как Остриани оказался провокатором⁵.

Лишь теперь я узнал, что в числе моих слушателей в моем конспиративном кружке в Казани и зиму и весну 1888—1889 гг. были юноши—Ленин и Стопани.

Со слов М. Л. Мандельштама.—Публикуется впервые.

Первые ценные уроки из кладезя марксизма большинством нашей группы молодых [казанских] студентов получило, помнится, от обладавшего достаточной по тому времени марксистской эрудицией присяжного поверенного Мих. Льв. Мандельштама (потом левый кадет в Москве); у него читались рефераты (например, о мальтузианстве и перенесении по Чернышевскому).

А. М. Стопани, «На заре социал-демократии в Казани», «Пролетарская революция» 1938 г., № 2, стр. 584.

[В Казани] Ильич попал в народофильский кружок. Там в первый раз он услышал о Марксе². Читая доклад студент Мандельштам, будущий кадет, и принимая в докладе взгляды «Освобождение труда». Доклад был очень мутный, но все-таки, как сквозь туман, Ильич увидел в нем добытую революционную теорию. Он добыл первый том «Капитала», который открыл ему новый мир, но не нашел там еще ответа на специально русские вопросы.

К. Б. Радек, «Из рассказов тов. Ленина о его вступлении в революционное движение», «Рабочая Москва», 1924 г., № 92.

В то время, как мы видим по вышедшим теперь исследованиям тогдешней кружковой работы, в Казани было

¹ По данным негласного наблюдения в Казани было известно, что среди студентов Казанского университета были образованы курсовые кружки «объединения и взаимопомощи», собрания которых происходили под разными благовидными предлогами—читаем в жандармских «Обзорах» за 1889 г., стр. 62.

² Действительно, один из тогдешних казанских кружков, организованных Л. В. Карпашевым и К. В. Острияниным, занялся печатанием и распространением революционных изданий; см. С. Лифшиц, «Очерки истории казанской социал-демократии», «Пути революции», 1922 г., № 1, стр. 99. Острияни же предал несколько десятков казанских революционеров, в том числе, кажется, и федосеевский кружок.

³ Ряд авторитетных показаний, приведенных выше, свидетельствует о том, что Ленин о Марксе услышал впервые от Александра Ильича в Симбирске.

⁴ Этот отрывок был рассказан Радскому при следующих обстоятельствах: «В 1915 году на прогулках за Берн над синей Аарой Владимир Ильич, будучи в хорошем задумчивом настроении, рассказывал многое из своей революционной молодости. Многие из его рассказов я забыл, многое конкретное из того, что я запомнил, улетучилось; фамилии, места происшествий». Этим и объясняется то, что Радек отнес этот эпизод к гимназической жизни Ленина, в то время как по всем данным его нужно отнести к казанскому периоду.

несколько кружков. Объединяться, даже встречаться, по требованию конспирации, они не могли. Некоторые даже не знали о существовании других, а некоторые, если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались. В центральном кружке состоял в то время очень активный молодой работник, убежденный социал-демократ, Николай Евграфович Федосеев.

Исклоченный еще из последнего класса гимназии, Федосеев повел энергичную революционную работу. При центральном кружке имелась библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных. Владимир Ильич слышал об этих планах, но сам в этот кружок не входил. И самого Федосеева он лично не знал, а лишь слышал о нем.

А. И. Елизарова, «Значение казанского и самарского периода для деятельности Владимира Ильича», «Молодой большевик» 1926 г., № 1.

В 1888 г. все настойчивее среди молодежи начал проявляться в Казани интерес к имени Маркса, причем в связи с разговорами о марксистском направлении начали произносить левые конспиративно и имя Николая Евграфовича Федосеева и очень конспиративно имя литератора и статистика Павла Николаевича Скворцова.

М. Г. Григорьев, «Воспоминания о фелосеевском кружке в Казани», «Прол. рев.» 1923 г., № 8, стр. 58.

Я слышал о Федосееве в бытность свою в Казани, но лично не встречался с ним...

Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению.

Ленин, «Несколько слов о Н. Е. Федосееве в сборнике Истгарт: «Николай Евграфович Федосеев. Один из влиятельных революционных марксистов в России», Гиз, 1923 г., стр. 5.

Н. Е. Федосеев был ровесником Владимира Ильича, их мирозерцание складывалось в один и те же годы; они были оба инициаторами нового революционного направления, с ранних молодых лет смело пошедшие по новому пути, нипонируя людям более старшего возраста и увлекая за собой многих. Они оба вышли, так сказать, с утра одновременно на дорогу, оба скоро уже услышали друг о друге и перекликались... Но пути их, почти сходясь, не скрестились. Они лично не встретились ни на работе, ни в тюрьме или в ссылке.

Предисловие редакции к сборнику Истгарт «Федосеев...», стр. 3.

В это время Федосеев был уже вполне сложившимся молодым революционером, весьма активно работавшим среди местной молодежи. Зима 1888/89 г. и до лета 1889 г., когда он был впервые арестован, была периодом кипучей деятельности его по организации тайных кружков и пропаганды в них, устройству и оборудованию нелегальной печати (устройство типографии, печатание и пр.).

Организовывал он кружки обычно двух типов: начального и высшего. В первых он свою роль ограничивал устройством их, назначением руководителя, наметением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела, вторыми он руководил лично сам. Это были действительно очень интересные кружки в смысле научной, теоретической подготовки и развития их членов. Занятия в них благодаря умелому и талантливому ведению дела самим Федосеевым шли очень оживленно, дружно и свободно. Основными темами были политическая экономия и история; из практических вопросов больше всего обращалось внимания на положение рабочего класса и крестьянства в России. В общем

и целом Федосеев был уже тогда складывающимся марксистом; нам вообще тогда уже не чужды были и первый том «Капитала», и Каутский, и Энгельс...¹

И. Я. Лаляниц «Некоторые дополнения к биографии И. Е. Федосеева в сборнике Истгарт «Федосеев...», стр. 28.

Секретное донесение самарского губернатора А. Свербеева в Департамент полиции о покупке М. Т. Елизаровым по доверенности Ульяновых участка земли при деревне Алакаевке от 21 февраля 1889 года, за № 246.

Самарский уездный исправник рапортом от 29 минувшего января донес мне, что известный Департаменту полиции из отношения моего от 25 августа минувшего года за № 911 действительный студент, служивший в С.-Петербургской палате канцелярским служителем, Марк Тимофеев Елизаров по доверенности брата и сестры Ульяновых—родственников казенного государственного преступника Ульянова—купил у землевладельца Константина Михайлова Сибирякова участок земли при дер. Алакаевке в количестве 83 десятин и мелнцу за 7500 рублей. Мельница эта находится в аренде у крестьянина Казанской губ. Алексея Евдокимова. Из владельцев купленного участка на жительство в д. Алакаевку никто еще не прибыл.

Об этом считаю долгом сообщить Департаменту полиции, в дополнение к отношению от 6-го ноября минувшего года за № 1364.

Губернатор А. Свербеев.
Приватный канцелярия Громов.

Э. А. Корольчук, «Семья Ульяновых в Алакаевке Самарской губернии», «Красная летопись» 1925 г., № 2, стр. 150.

В мае 1889 г. казанский губернатор представил ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу для лечения, и его превосходительство г. директор названное ходатайство изволил отклонить, ввиду того, что означенной в медицинском свидетельстве болезни Ульянов может ехать на Кавказ¹.

По распоряжению московского генерал-губернатора Ульянову на основании 16 ст. Положения о государственной охране воспрещено жительство в Москве и Московской губ.

Из ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии, представленной при отношении нач. Казанского губ. жанд. упр.—от 20 июля 1889 г. усматривается, что Ульянов ведет знакомство с подозрительными лицами.

В 1889 г. на Ульянова было обращено особое внимание как на одного из поднадзорных, пребывавших в Казани, местность которой по сведениям, добытым по известному делу о взрыве в Цюрихе, признавалась местом пребывания особо видных деятелей революционного движения в России.

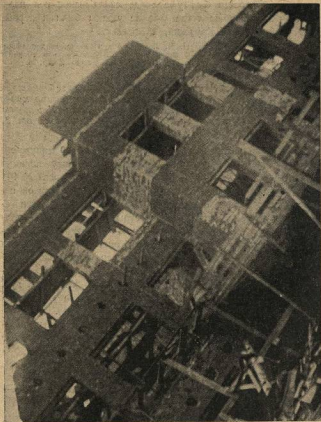
«Справка Департамента полиции о В. И. Ленине», «Красная летопись» 1922 г., № 2—3, стр. 306.

Мать стала тревожиться, что Володя «влетит» опять, и это отчасти побудило ее приобрести через М. Т. Елизарова (окончившего Петербургский университет и участвовавшего со мной и покойным братом в одном землевладении) маленький хутор в Самарской губ. и выхлопотать разрешение переехать на лето туда.

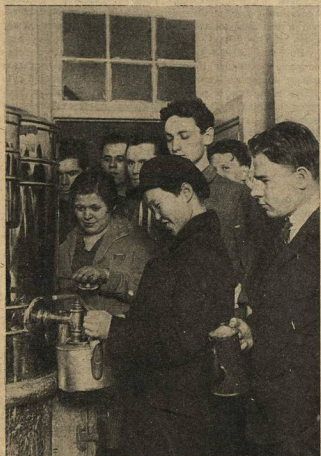
А. И. Елизарова, «О жизни В. И. Ульянова-Ленина в Казани», «Молодая гвардия» 1924 г., № 2—3, стр. 27.

¹ Каутский: «Экономическое учение Карла Маркса» и Энгельс: «Происхождение семьи...» были получены на немецком языке из-за границы и переведены нами. (Примечание И. Я. Лалянца.)

² «Ленин», конечно, был поводом к окончанию образования за границей.

Постройки нового корпуса МТА

Сегодня на стромынке

Фото Наслова

Снаружи здание ничем не отличается от тысячи других, построенных в прошлом столетии.

Вокруг здания раскинут сад, зелено и во внутреннем дворе. Это веселит, но желтые двухэтажные корпуса когда-тошней богадельни смотрят кисло, так же, как выглядели некогда обитатели—божьи питомцы. После гражданской войны божьих питомцев сменили инвалиды. Они жили недолго в желтом сердитом обиталище. Их развезли по пригородам, а здание взял Главпрофобор, и с этого времени начинается новая история дома № 18 по улице Стромынке.

Старые казармы исчезли без следа, уступив место новым уютным комнатам. Еще стоит свежий запах штукатурки и масляной краски панелей. Еще нет ни одного пятнышка ни на дверях, ни на стенах, ни на полах.

Но там уже разгорается новая жизнь. Уже слышатся громкие молодые голоса нового хозяина, с каждым днем все больше народу суегутся в комнатах, в коридорах, во дворе.

С каждым днем старая богадельня все больше приобщается к новому зданию: «Центральный студенческий городок».

С каждым днем убыстряется когда-то тоскливо-монотонный темп жизни в старом здании. А когда число новых хозяев дойдет до двух тысяч, тогда жизнь забьет ключом.

Тогда оживет каждый закоулок в корпусах. В столовой загремит посуда, в читальне зашуршат книжные листы, в клубе зашипит радио, засмеется музыка, пойдут доклады, лекции, постановки, собрания—все будет жить и дышать полной грудью.

Где скученность, грязь, вонь, прокислый тяжелый воздух? Где хромые табуретки, сомнительные козлы, трехногие столы? Где ободранные обои—клоповый рай, дырявые полы—крысье раздолье, гнилые рамы окон и разбухшие от сырости потолки—спутники простуды и туберкулеза?

На Стромынке—уж так ласкательно окрестили студенты городок—с этим не встретиться.

Клопам неоткуда взяться, разве принести их с собой в коробочке. В тщательно зашпаклеванных, окрашенных маслом стенах—ни дыры. В комнатах—ни одной старой кровати, доски, даже матрацы новые. Все только что изготовлено, только что привезено с фабрик.

На новых крепких стульях можно сидеть без опаски, столы твердо упираются в пол всеми четырьмя ногами. Между кроватями, столами и дверью хватит места, чтобы свободно разойтись, можно стать посреди дороги, и тебя обойдут, даже не заметят.

Когда есть основания—можно и пометчать. Попробуем.

В яркий солнечный день прихожу на Стромынку—и притираю глаза. На месте старого заброшенного сада красуется расцвеченный клумбами сквер. Гимнастическая площадка полна крепкого, веселого народа, занятого упражнениями по всем видам физкультуры. Гремят выстрелы в тире.

Прохожу в здание. Приятный запах из столовой подзадоривает аппетит. Сажусь за чистый, опрятный стол и ем вкусный показательный обед. После обеда—сытный совершенно—иду в читальню. Там тихо, как в приемной у врача, хотя читающей публики полным-полно. Никто не курит, не пьет, не пачкает карандашом книгу и стол.

Почитавши, схожу в клуб: там сегодня будет очень интересная дискуссия—у вышешенных тезисов стоит толпа и кое-где уже закипает спор. После дискуссии один из художественных вузов покажет со сцены свои достижения. Уходить не хочется.

Вхожу в комнату к товарищу. Товарищ только что пришел из бани, прекрасной бани студенческого городка.

Не успеваю ступить шага, как грозный окрик заставляет меня остановиться:

СТРОМЫНКИ

— Вытирай ноги. Вон половики—что за привычка у людей никогда ног не вытирать. И снимь пожалуйста пальто—это будет полезней и тебе, и нам.

— Митя, друг,—шепнул я, робко вытирая ноги о половики и стаскивая с себя демисезон,—друг мой, ты ли это? Тебя ль не вижу я на кровати в полном параде до сапогов включительно? Ты ль не харкаешь на пол, ты ли нашел дорогу в баню, ты ли начистил себе теперь сапоги старательней, чем прежде зубы?

— Не чуди. Это тебе не прошлый год, когда мы гигиены ради на соревнование шли. Теперь, брат, совсем другое дело: пожили по-свински—хватит.

— Вот так удружил. Вспрыснем что ли за гигиену?

— Шалишь, брат. Некогда по кабакам шляться. Я уже скоро годовщину справляю, как ни капли не лизнул. Мы договор заключили...

— Не кипятись, еще матом обложись.

— Матом? Ну, милый, насчет этого подождать придется.

Еще в прошлом году...

— ...договор заключили?

— Конечно. С тех пор ни-ни. Однако что же это я? Ведь к началу лекции опоздаю...

— И тут договор?

— Да, на стопроцентную академическую активность.

— А не тонете вы в договорах?

— Чудак, ведь договор—это только для сдвига, что ли... Потом уже в плоть и кровь входит. И сам знаешь, так жить лучше.

— Ну, что ж, иди. Вечером погуляем?

— Нет. Видишь ли, нас на Стормынке две тысячи студентов, и мы за год обучили грамоте десять тысяч человек. Сегодня вечером я даю прощальный урок своей пятерке.

И взяв со стола печатную газету городка, он вышел со мною из комнаты. Длинным коридором направились мы к выходу, осторожно обходя дышащие паром огромные «Титаны».

Навстречу нам попала группа рабочих, внимательно озиравшихся по сторонам. Спрашиваю, что это.

— Делегация рабочих,—отвечает товарищ.—Пришли проконтролировать, как живут студенты. Их часто можно встретить у нас.

— У меня есть к тебе только один вопрос перед тем, как попрощаться,—сказал я.—Понимаю, условия благоприятствовали тому, что Стормынка хорошо живет. Я не винкал в детали, но, кажется, что не только быт, но и психика ваша основательно изменилась.

— Конечно. Много, очень много нового и доброго у нас.

— Ладно, но ведь одних благоприятных жилищных условий мало. И не столовая же вас переделала?

— Отчасти и жилище, и столовая, и клуб, и читальня,—но, не это главное.

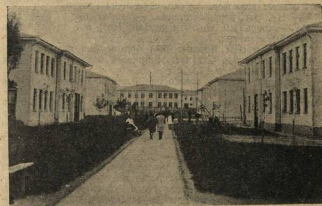
— А что?

— Главное—это неустанное внимание и контроль советской общественности, с первых дней не выпускавших Стормынку из своего поля зрения. Вот что главное.

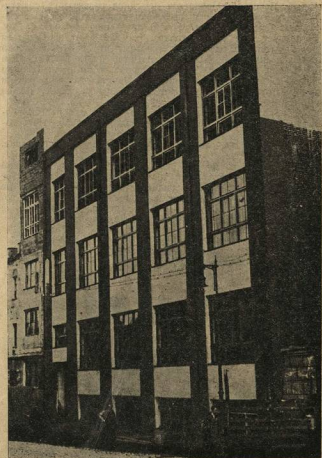
Мы расстались.

— Вот что главное,—задумчиво бормотал я, сидя в трамвае,—неустанное внимание и контроль советской общественности с первых дней... С первой же минуты рождения Стормынки...

Да, иногда и помечтать не возбраняется. Особенно, когда все данные за то, что хоть и с превеликими трудностями, но можно мечты сделать действительностью.

Студенческий городок в Харькове

ПАДЕНИЕ КЛОПИХИ

Брызнул дождь, шofer перестал разговаривать, выплюнул папиросу и всю ночь мы металась между двумя искристыми неводами бури. Село оказалось на склоне водораздела. Мы спустились вниз, там уже ревели скороспелая река. От совхозов до колхозов проложена телефонная линия. Я наткнулся на палатку звзда связи около церкви и там заночевал. Утром пошел к руководинку, отставшему на дистанции, определенной уставом. Суслик с большой головой свистнул под моими ботинками и провалился, показав мелкие задние лапки. Я выдалил на шетку розовый комок «Одегитина» и почувствовал толчок в спину. Два верблюжонка, в блестящей желтой шерсти, подошли пить мыльную воду. Их уродливые мордочки смеялись.

Агроном позвал меня завтракать. Я глотал ледяную простоквашу, разглядывая обстановку и обиньяками расспрашивал насчет колхозов. Агроному фамилия Грачев.

— Ну, ты хорошо приехал,—говорит он в мою сторону.—Теперь мы на ноги встали. Нет, вот весной надо было бы виться...

Весной в селе Клопихе был организован крупный колхоз, колхоз имени Сталина. Я приехал в июне и они уже встали на ноги. Снаружи, правда, ничего не заметно. Крупное степное село, саманные хаты, штабеля черных кизов, бетонные вальки для молотобой по краям дороги. Вокруг церкви полтора десятка двухэтажных домов под железными крышами, а пройти по улице в глубину, начнутся мазанки,—из одной комнаты, с глинобитным полом, с тремя дверями: во двор, в хлев и в омшаник.

Я сравнил село с волостными центрами Московской губернии. Сравнение явно невыгодное для Москвы. Село 400 дворов, около полторы тысяч жителей. Двести восемьдесят хозяйств—колхозники, остальные—выжидают, а десятков—другой явно противодействуют, начиная с разговорчиков такого, примерно, типа:

— В мешке тесно и из мешка не вылезешь...

...И кончая поджогами хлеба и кражей.

Агроном Грачев живет в доме бывшем Процетова. Семен Максимов Процетов не сумел развязаться с пятикратным обложением и предложил свой двухэтажный хохоромы (за пять тысяч рублей) правлению колхоза. Грачев организует уже третий колхоз. Ему не дают задержаться больше года на одном месте, потому что работников такой квалификации иле было и почти нет. Председатель правления Прокофий Львович Окорочков выписал Грачева через Окразу. Приобретенный у Процетова дом отдал под квартиру агроному: «Вот тебе наше уважение, только работай».

А во дворе стоят шесть машин—краса и гордость коллектива. Три Фордзона и три двадцатисильных Интернационала.

— Ну, что же,—говорит агроном,—пойдем в правление, посмотрим наше сердце.

Мы вышли во двор и оказались свидетелями картинной истини. Семидесятилетний тракторист подводил под навес машину, и вдруг левое переднее колесо ушло в землю по самую ось. Трактор накренился, парнишка выругался и включил задний ход. Объехав опасное место, он взял лопик и сунул его в злуполучную колею. Лом ушел в землю.

— Ребята, ама...

Ребята вылезли из-под своих Фордзонов, разгребли огверстие и зажгли свечу. Несколько горстей полустелвшейся пшеницы, гнилые доски да углекисата—вот все, что было обнаружено в хлебной яме.

«Площадь прижимает к оврагу, беднозеленая церковь, подошла вплотную к новому клубу. Рядом с домом агронома кооперативная лавка, угловой двухэтажный дом—школа, а сейчас летом в нем детские ясли. Детская площадка напротив, рядом рижке здание—правление колхоза. Впрочем, И. М. Стрелков. Большой сарай, неизвестно почему называемый сторожкой, защищает церковь с востока. Зашита эта временная и непрочная. Колхоз постановил отобрать сарай и передать его в молочную ферму.

По этому случаю в одно из воскресений, во время заседания бюро колхозного партколлектива, во двор вломилась толпа женщин и затеяла, по выражению агронома, базар. Председатель подумал, что они пришли наняться на сезонные работы в Аржановский совхоз, как раз на собрании был и сам директор Василий Васильевич Хардов. Но «бабы» пришли отнюдь не за работой. Они распахнули двери и вывели Окорочкова к себе. Председатель спросил, в чем дело.

— Отдавай сторожку, дьявол безумный,—закричала nevertheless отсюда явившаяся монашка.

— Отдавай сторожку!

— Не ты стави.

— Мы тебе бороду-то подергасм, узнаешь, как богово добро загребать.

Прокофий Львович на минуту растерялся или продолжал обдумывать про себя вопрос о том, как распределить вакантные места в техникуму, партию и на рабфак, закрепленные за колхозом.

Директор взял инициативу в свои руки.

— Во-первых, тише!

Поскольку он был человек посторонний, тишина мало-помалу восстановилась.

— Сторожку вам, конечно, отдадут. Разумеется, если в этом есть крайняя нужда.

Впервые за рулем

Фото Чернина

— Ага,—то-то, отдадите,—радостно откликнулся чей-то голос из-за плини.

— Погоди, не перебивай. Вопрос в том, кому отдать. Если всем вам сейчас дать по куску земляного кирпича—вы сами откажитесь. Надо отдать кому-то одному. Так, что ли я говорю?

Демонстрантки стали переглядываться и перешептываться. Одни говорили так, а другие, постарше, недочервно показывали головой.

Дело принимало крайне неожиданный оборот. Поп отнюдь не надеялся вернуть сторожку и перед своим исчезновением устроил небольшой спектакль. Бабы выпирали друг дружку, подталкивали, избранный решительно подымывал платок, но на большее се не хватало. Директор стоял здесь же на крыльце и время-от-времени погонял.

— Ну, ну, скорее выбирайте.

А толпа быстро таяла, редела и вот, наконец, остались две монашки и огромный одиогорный верблюд. «Апостол». Верблюд был чем-то рассержен, он дергал своей плешивой головой в направлении делегатов и громко пелсялся.

Тимирязевец изучает носилку

Фото Ф. Ислева

Студенты-трактористы

Фото Кислова

— Мы к этому делу не причастны,—сказала монашка покрупице, но ее никто не слушал. Директор уже сидел в помещении партячейки и составлял договор на поставку рабочей силы для глинолитных работ.

В первом этаже в этот же самый момент студент Тимряшевской академии Миша готовил к экзаменам командированных. С командированными пришлось повозиться. Подходящих ребят много, но надо так их выбрать, чтобы не повредить самим себе. Скажем, есть десять трактористов. Они все колхозники. Пошли из них трех учиться,—значит осенью надо нанимать постороннего человека. А посторонняя рабочая сила в колхозе дорога и беспокойна, как моль. Послать с кондачка еще хуже. Выучат его, а он приткнется где-нибудь в округе и поминай как звали.

Очки Миши пополам перевязаны белой ниткой.

— Что ты здесь делаешь,—обращаясь я к нему с своим постоянным недалевидным вопросом.

Миша делает все. Понятие объемистое. Приходится разбивать вопрос на части. Например, весна. Весной он приехал с третьего курса агрономического отделения. Грачев, вместе с председателем, секретарем ячейки и с другим практикантом—Лиманским (из краевой партшколы) заканчивали оформление колхоза. Ближайшими досугами были повышение хозяйственной мысли, совместная обработка земли с помощью машин, организация общесоветственных предпрятий (колхозная ферма) и борьба с засильем кулачества.

Увеличение урожая и машинная обработка—пункты, не вызвавшие никаких споров. Совхоз им. Чапаева пустил на общесоветственное поле восемьдесят своих тракторов и колхозники, без малейшего затруднения, получили 250 га обработанной и засеянной сортовыми семенами земли.

Самое горячее время настало после того, как расширили осное гнездо Фотьева, Ханина и Процетовых. А сейчас передышка, укрепление позиций, ибо война клонится к победе, но не к окончанию.

— Я работал,—продолжает студент,—сначала на посевах. Обезьяд должно быть шесть сел в радиусе 30 километров, протравил семена, учитывал хлебные излишки. Опять-таки ездил и работал, как и вообще летом в деревне работаю, от десяти до восемнадцати часов. Агрономическая пропаганда, ветеринарная помощь, доклады о текущем полн-

моменте и пионерский отряд—все это на моих плечах. Сейчас готовлю ребят—одного в рабфак, одного в партшколу и одного в тракторный техникум. Вечером приду, будем ревиговать нашу кооперацию. Я же сейчас и секретарь комсомольской ячейки...

Мы можем спуститься еще этажом ниже, в полуподвал. Полуподвал благоустроен, как и подбает в помещицком доме. До 18 года здесь, вернее не здесь, а вверх,—жила прислуга какого-то помещика, полковника.

Стрелков сумел занять опустевшее гнездо, зеркала и фистармонью он сберег до настоящего момента. Жил в первом этаже, а верхний пустовал.

Стрелкова подкумили двадцать первый год. Все шло потихому. Клоиха отстранялась, мужички приобретали машины. На квартире Стрелкова собиравались надежные люди—братья Процетовы, Ханин, Фотьев. Назывались эсерами, друзьями народа. Подошел голод—собрания прекратились. Друзья народа «помогали» народу. Крестьяне продавали хомуты, сараи, жейки, продавали за хлеб, за кусок коровьего мяса и бежали на запад, подальше от бесплодного степного зноя. Стрелкову незачем бежать, он устраивал бежавших. Так устраивал, что весь двор заставил железными бронями, плугами, фургонами, тесом и даже для двух жерновов нашлось укромное местечко. В полуподвале плеснели комухи, лопаты и бочки. Голодный год прошел, прошло еще семь лет. Двор опустел. Фургон был продан и вернувшийся хозяевым по действительной стоимости.

Однажды зимой из района приехали коммунисты. Собрали сход, а Стрелкова, Александра Фотьева, Процетова и Ханина пригласили именованными повестками.

— Скажите, граждане Фотьев, вы состоите в эсерской группе?

— Дело прошлое,—ответил Фотьев.

— Ну, хорошо. А в двадцать первом году вы не покупали за десять кило верболожатины фургон-однокошый с плугом?

— Запаятовал.

— Хорошо. А вы, Стрелков, состоите в группе?

— Состою.

— А вам не случалось купить за соевый арбуз и за два огурца у гражданина Бариновой сарай тесовый новый и восемь метров забора?

— Нет, не покупал.

Практиканты проводят читку среди батранов

Фото Черняна

— Запаятовал, Александр Лексеня!

— Покупал, чего там, грабли православных!

Собрание замулоло, коммунист позвонил в колокольчик и в дальнейшем вопрос о кабальных сделках во время голода обсуждался в отсутствие Фотьева и К. Резолюцию все же они узнали очень скоро. Общее собрание крестьян села Клоихин просило ВЦИК РСФСР выселить десять именованных граждан из пределов общества. Кто вел учет сделок, кто так аккуратно записывал: «Восьмого июля, Ханин взял у братьев Егоровых лобогрейку новую за четыре метра овечьих вынок...». Об этом предание умалчивает.

С этого момента началось падение Клоихки и возмужание вение колхоза им. Сталина. Основу его составили три артели по совместной обработке земли: «Прогресс первый», «Прогресс второй» и «Артель им. Сталина». Артели группировались вокруг сельских коммунистов.

Директор совхоза им. Чапаева (Аржановского) Харлов приехал на Форде, целый день разговаривал и вошел в наблюдательный совет колхоза. Василий Николаевич Харлов, командир тракторной армии, имеет свой план начет колхоза. Он берет ребят, обучает управлять тракторами. Он предложил колхозу на паях косить четыре тысячи гектаров сенокоса. Машины из совхоза, а люди и прицеп—колхозные. Таким образом, крестьяне получили 200 тонн сена вдвое скорее и легче обычного. А совхоз имеет 70 (третья часть).

Совсем недавно в колхоз им. Сталина вступил еще украинский переселенческий поселок. Миша делал доклад о коллективизации. Лиманский в своей буденовке сидел и записывал мнения. На собрание явился один из Проциетовых. Его речи коротки: «Мы не против. А ежели бы нам дали машину, против любого колхоза хлеб выставили бы».

Но, увы. Машины проданы в уплату пятикратно, дома тоже проданы, да и сами хозяева или исчезли, или живут на задах. Вдобавок один из честной компании судится за кражу колхозного сена.

После собрания настал торжественный момент. Украинцы подходили к столу и говорили: пиши в колхоз.

Одна женщина не выдержала.

— Не лущу, сказыва на старости лет.

— Пиши.

— Разведусь. Ратуйте, хто веруе.

Три жены так взяли развод. Но и теперь живут с мужьями и ходят в совхоз месить глину. Слова расписаться в ЗАГСе некогда. Лето. Время дорого.

Колхоз растет и крепнет. Он стоит на ногах и борется. Кулачество расхилено, земля обобществлена, сельское управление и заменен советом колхоза. Таким образом возникает новая административно-хозяйственная форма.

Распределение налогов, повинностей, починка мостов— все это делается организованно.

Но... тут есть но. Производственные отношения еще прочно не установлены. Если колхозники-бедняки охотно подчиняются своему выборному управлению, то хозяева

трех-четырёх пар волов иногда торгуются. Председатель правления ведет себя как ахушер во время родов. Он должен позаботиться и о кредитах для шести новых тракторов, должствующих явиться в стоило осенью, и о пяти кило какао для детской площадки, и о посылке на рабфак, в то время как Пугачевский окрпартком срочно вызывает на заседание.

...Сегодня я встретил Окоркова на улице. Долговязый, с впалыми коричневыми щеками, он стоял над строящимся колодцем и разговаривал с Александром Алексеевичем. Александр Алексеевич решил подарить председателю волчонка. Волчонок пятимесячный, величиной с взрослого щенка. Кисти его лап гораздо толще кистей рук председателя.

Волчат он поймал семь штук утром, когда поехал красть колхозное сено. Питерых уби, а двух привез домой.

Председатель подержал волчонка за ухо. Ласково улыбаясь. Колхоз в три счета оборудовал колодец. Александр Алексеевич потащил волчонка обратно.

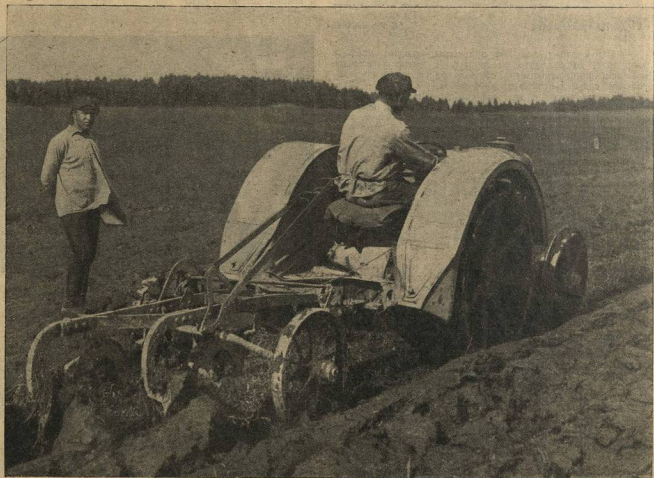
Колодец, возле которого развивалась эта сценка, тоже принадлежит к достижениям колхоза. Вода в Колопихе нет. Запружают овраг, но земля не склеивается, и к середине лета плотина закономерно рвется и вода уходит на Поводжье. Колхоз в три счета оборудовал колодец.

Против колодца кооператив. Заведующий верхом на прилавке играет в шашки с трактористом. Вечером этот заведующий получил головомойку от ревизионной комиссии: «Опять тебе говорили, привези мануфактуру из Пугачева, а ты опять русской горькой все полки заставлял».

Я уезжал. Опять не разрешенное состояние, знакомое путешественникам. Теперь всю зиму в самых неожиданных местах будет вспоминаться прилавок клопихинской кооперации или ребятишки с раздутыми животами, принимающие солнечные ванны.

А может быть в вестибюле I МГУ меня остановит загорелый рукой с обломанными ногтями клопихинский тракторист в промежутке между двумя лекциями расскажет о новых завоеваниях колхозников.

В. Целев

ВЕСЕЛЫЕ ЗАЧЕТЫ

Под редакцией С. ГЛИЗЕРА

Найдите контур горы

Большинство студентов прошедшее лето использовали свободное от учебы время посетив это туризму.

Вернувшись к себе в вузы, в общежитиях, туристы делаясь своими впечатлениями о всем виденном в разных уголках Советского союза.

Один из туристов, тов. Восходов обратился к нам с следующей просьбой, которую мы помещаем ниже.

— «Товарищи, этим летом я с приятелем решил побродить по Кавказу. Во время нашего путешествия мы встретились с горой, которую решили зарисовать, но не просто так, с натуры, а на память и не смотря на гору.

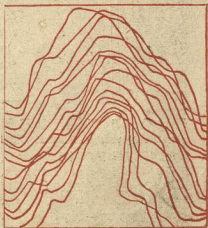
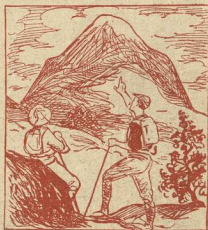
Для этого мы решили забраться на гору, перейти ее и, спустившись, обрисовать ее контур.

Так и сделали.

Однако из многих набросков контура горы удалось сделать только один привидный, но найти его оказалось нелегко. Не можете ли вы нам найти контур этой горы.

Турист Восходов».

Давайте поможем товарищу Восходову и укажем ему, какой контур горы правильный.

„Чудеса“ строительной техники.

(Загадочная картинка)

Известно, что несмотря на все достижения строительной техники Европы и Америки, она еще не подошла к проблеме создания «резиновых» зданий. Даже Америка, владеющая мировым запасом каучука, не могла позволить себе такой роскоши. Между тем, у нас, в СССР, мы осуществили проблему «резиновых» зданий, хотя каучуком и не богаты.

Чуть этого изобретения принадлежит советскому студенчеству, которое из за бездушного отношения к их нуждам бюрократов из учреждений вынуждено было создать «резиновое» здание.

Мы говорим о жилищах!

До сих пор положение с жилищем для студенчества катастрофическое. В Москве, Ленинграде, Свердловске, Харькове, Киеве и других городах создалась безвыходное положение.

Жить негде.

На одну койку в общежитии три претендента. Один спит, двое смотрят. Ни о какой нормальной учебе при таком положении не может быть и речи.

Вот факт:

На этой картинке, в комнате, вмещающей при самых низких санитарных нормах всего...
Пять человек, а находится тринадцать.

И несмотря на все это, жилищный кризис не разрешен. На эту комнату еще столько же претендентов, желающих вместиться в эту комнату. Правда, у них нет там кровати, матраца, но они эту комнату уже прочно заняли, на деле разрешив проблему «резиновых» зданий.

Найдите на этом рисунке, кроме видимых тринадцати человек, еще столько же, Обведите их карандашом или чернилами и пришлите рисунок в редакцию.

Так разрешите это новое «чудо» строительной техники.

ПОДПИШИСЬ!

1929—1930 Уч. год

НА ЕДИНСТВЕНН
СТУДЕНЧЕСК
МАССОВЫЙ ЕЖЕ
ДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕ
ВЕННО-ПОЛИТИ
СКИЙ И ЛИТЕ
ТУРНЫЙ ИЛЛЮ
СТРИРОВАННЫЙ Ж
НАЛ. 7 год издан

№ 298352

2 11-48

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

г. Н.НОВГОРОД,
Варварка, № 3
Губ. Центр. Библиотека.
Читальня им. Ленина.
1/1-31/ХП

1 экз. ЕК

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Для годовых подписчиков (не студентов-стипендиатов) допускается рассрочка: при подписке—1 р. 50 к., и 1 декабря—1 р., и 15 февраля—1 р. 50 к.

Студенты-стипендиаты при условии подписки в студенческих организациях или у их уполномоченных и представления общего гарантийного письма пользуются кредитом на срок подписки (из циркуляра Наркомпроса, ВСНХ и НКПС—опублик. еженед. НКП № 36 от 6/IX—29 г.).

Годовые и полугодовые подписчики пользуются правом получения со скидкой книг и учебных пособий по выбору из списка, публикуемого в № 8 журнала. Книги высылаются подписчику почтой. Годовые подписчики участ. в розыгрыше премий.

В ЧИСЛО ПРЕМИЙ ВХОДЯТ:

- 1 библиотека в 100 рублей
- 3 библиотеки по 75 рублей
- 15 библиотек по 50 рублей
- 20 библиотек по 25 рублей

а также отдельные фундаментальные учебники и лучшие литературные произведения. По мере роста числа подписчиков количество премий будет увеличиваться. Библиотеки комплектуются самими подписчиками из каталога Госиздата.

ЦЕНА 15 КОПЕЕК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год (35 №№)—4 р., на I полуг. (14 №№)—1 р. 70 к., на 2 полуг. (21 №№)—2 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 50 к.
Цена отдельного номера в продаже—15 копеек.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ редакцией журнала „Красное студенчество“: Москва, И, Солянка, 12. Дворец труда, комн. 214, тел. 3-55-54. Уполномоченными по подбору профессий и профессоров в каждом учебном заведении. Сектором подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, центр, Ильинка, 3, Госиздат, тел. 4-87-19. В отделениях, книжных и магазинах Госиздата, во всех книжных Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.

В ГОД ВЫХОДИТ 35 НОМЕРОВ, объемом по 24 стр. (3 печати, листа) в каждом номере. Подписн. год с сентября 1929 г. по май 1930 г. выносятся бесплатно.